

Уильям
Фолкнер

Звук и ярость

[роман]

Йокнапатофская сага

Уильям Фолкнер

Звук и ярость

«АСТ»

1929

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Coe)

Фолкнер У. К.

Звук и ярость / У. К. Фолкнер — «АСТ»,
1929 — (Йокнапатофская сага)

ISBN 978-5-17-094609-9

Одна из самых прославленных книг XX века. Книга, в которой реализм традиционной для южной прозы «семейной драмы» обрамляет бесконечные стилистически новаторские находки автора, наиболее важная из которых – практически впервые со времен «Короля Лира» Шекспира использованный в англоязычной литературе прием «потока сознания». В сущности, на чисто сюжетном уровне драма преступления и инцеста, страсти и искупления, на основе которой строится «Звук и ярость», характерна для канонической «южной готики». Однако гений Фолкнера превращает ее в уникальное произведение, расширяющее границы литературной допустимости.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Coe)

ISBN 978-5-17-094609-9

© Фолкнер У. К., 1929
© АСТ, 1929

Содержание

От переводчика	6
Седьмое апреля 1928 года	8
Второе июня 1910 года	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Уильям Фолкнер

Звук и ярость

William Faulkner
The Sound and the Fury

© William Faulkner, 1929
© Перевод. И. Гурова, наследники, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

* * *

От переводчика

Перевод этот был закончен году в семидесятом и должен был выйти в издательстве «Художественная литература», но в те времена готовые рукописи годами ждали своей очереди, и в 1973 году журнал «Иностранная литература» напечатал этот роман Фолкнера в переводе О. Сороки под названием «Шум и ярость». А поскольку тогда действовало постановление не то Министерства культуры, не то Комитета по делам печати, воспрещавшее публиковать одно и то же произведение в разных переводах через относительно короткие сроки, «Звук и ярость» оставался невостребованным до настоящего издания¹. Кстати, в этом постановлении был свой смысл: в стране не хватало бумаги, и считалось, что читателям выгоднее получить два разных произведения, чем одно в разных переводах.

С другой стороны, фолкнеровский «The Sound and the Fury» – роман-веха в истории литературы XX века и, бесспорно, требует нескольких переводов, как, например, пьесы Шекспира, поскольку всякий переводчик вольно или невольно вкладывает в перевод свое понимание замысла и стиля переводимого автора. Когда они относительно ясны и просты, бывает вполне достаточно одного хорошего перевода, но не когда дело касается произведений особой сложности.

Разнятся и позиции переводчиков. Одни считают перевод средством самовыражения, другие видят свою задачу в том, чтобы отредактировать переводимого автора, подогнать его текст под некие нормы, якобы обязательные для литературного языка и без соблюдения которых русский читатель ничего не поймет. А для этого кое-что опускается, кое-что добавляется от себя, кое-что растолковывается или перетолковывается. Третьи, к которым принадлежу и я, пытаются средствами русского языка воссоздать всю совокупность художественных приемов писателя, которые отличают его от всех остальных, писавших до него или после.

Иногда перевод оценивают положительно за то, что он «написан хорошим русским языком». На мой взгляд, это то же, что хвалить балерину за то, что у нее есть ноги. Конечно, без ног в классическом балете делать нечего, как и в переводе «без хорошего русского языка». Но не ноги делают балерину балериной. Да и что подразумевается под хорошим русским языком? Видимо, тот, которым пишут школьные сочинения отличники. Под понятие «хорошего русского языка», безусловно, подходит проза Пушкина, Лескова, Толстого, Салтыкова-Щедрина, Чехова, Зощенко, Андрея Белого, но только язык (то есть стиль) у них всех абсолютно разный. Вот почему язык переводов никак не следует стричь под одну гребенку, исходя из критерия «хорошести».

(Естественно, все вышесказанное не относится к малограмотным переложениям развлекательной литературы, которой сейчас завалены книжные прилавки. Эта продукция, опирающаяся на полное пренебрежение как к русскому, так и к английскому языку, просто не подходит под понятие перевода.)

Проблемы перевода обретают особую остроту, когда дело касается такого новаторского произведения, как «The Sound and the Fury», которое сразу вознесло Фолкнера на вершину славы. Писатель использовал в романе принципиально новые приемы, причем к некоторым даже сам никогда больше не обращался. Он хотел писать и писал так, как до него не писал никто. Иными словами, подгонять стиль Фолкнера под установившиеся нормы – значит калечить его, если не уничтожать вовсе.

В предисловии к первому американскому изданию романа его редактор писал: «Моя главная задача – подбодрить читателя... пугающегося книг, которые представляются трудными. Автор (вначале) представляет нам все содержание романа в единой перепутанной кар-

¹ Имеется в виду первое издание, вышедшее в 2001 г. (Издательство АСТ). – Примеч. ред.

тине... Правда, он кое-что подсказывает, меняя шрифт... тем не менее я утверждаю, что ни один нормальный читатель не сумеет разобраться в людях и событиях, читая первую часть романа в первый раз... Вполне понятно, что эту книгу следует перечитать по меньшей мере еще раз». Зато тогда, продолжает редактор, уже зная многое – например, что одно и то же имя носят два разных персонажа, – уже улавливая связи в словно бы хаотичном нагромождении, читатель сумеет в полной мере оценить, с каким великолепным искусством построен роман.

Иными словами, «Звук и ярость» это в определенном смысле роман-ребус, и чтобы целое стало ясным, каждый компонент должен быть точным.

Замысел романа воплощен в названии, восходящем к словам шекспировского Макбета: «Life... is tale / Told by an idiot, full of sound and fury, / Signifying nothing» (акт V, сц. V). В разных переводах «Макбета» на русский фраза эта переведена по-разному, тем более что необходимо было соблюдать стихотворный размер. Примерный прозаический перевод: «Жизнь... повесть, рассказанная идиотом: полно в ней звука и иступленности, но ничего не значащих». То есть возникает образ слабоумного, что-то иступленно выкрикивающего, бурно жестикулирующего, но что он пытается сообщить, понятно только ему. Взяв шекспировские слова «sound» и «fury», Фолкнер добавил к ним определенный артикль, то есть наиболее точный перевод названия был бы «Тот звук и та ярость»: иными словами, он прямо отсылает английского читателя к хрестоматийной цитате. У русского читателя, кроме разве что шекспироведа, такая ассоциация не возникает.

Теперь почему «звук», а не «шум». В цитате подразумевается устная речь, состоящая из звуков. «Шум» же – это мешанина разнообразных звуков, чаще механического происхождения. К тому же русский «звук» и в переносном смысле употребляется, как в английском – «sound». Вот хотя бы пушкинское: «Москва... как много в этом звуке для сердца русского слилось». Строго говоря, в слове «Москва» фонетически – шесть звуков, но их сочетание воспринимается как единый звук. Или писаревское: «Нет того слова, которое мы не сумели бы... превратить в пустой звук».

Фолкнер стремился показать события романа через восприятие глубокого дебила, для которого мир состоит из разрозненных фрагментов, причем существующих для него только в данный момент. Даже собственная рука для него – нечто, существующее само по себе.

На этом приеме построена первая часть романа. Впоследствии сам Фолкнер признавал, что до конца выполнить свой замысел ему не удалось и кое в чем ему приходилось от него отступать.

Вторая и третья части – это внутренние монологи двух других персонажей, во многом строящиеся вокруг событий, так или иначе отраженных в первой части. И, наконец, четвертая часть дана от автора во вполне реалистическом плане.

Для издания романа в 1946 году Фолкнер написал «Приложение» – краткие биографии членов рода Компсонов и некоторых людей, так или иначе оказавших влияние на их жизнь.

Это своего рода послесловие дано здесь в приложении, как и «ключ», помогающий разобраться в связи эпизодов первой и второй части. Но получить полное представление о стиле романа, в котором важно не ЧТО, а КАК написано, можно только прочитав роман с начала и до конца, не заглядывая ни в какие «ключи». Если продолжить сравнение с ребусом, есть ли смысл решать его, заранее подглядев ответ?

И. Гурова

Седьмое апреля 1928 года

Сквозь забор, между цветочными плетениями, я видел, как они ударяют. Они подходили туда, где флаг, и я пошел вдоль забора. Ластер искал в траве у цветочного дерева. Они вытащили флаг, и они ударяли. Потом они поставили флаг назад, и они пошли к площадке, и он ударил, и другой ударил. Потом они пошли, и я пошел вдоль забора. Ластер ушел от цветочного дерева, и мы пошли вдоль забора, и они остановились, и мы остановились, и я смотрел сквозь забор, пока Ластер искал в траве.

– Эй, кэдди². – Он ударил. Они пошли через луг. Я держался за забор и глядел, как они уходят.

– Послушать тебя. – Сказал Ластер. – Хорош, нечего сказать, тридцать три года, и такое вытворяешь. А я еще ходил в город, в такую даль, тебе пирог покупать. Кончай выть. Лучше бы помог мне найти этот четвертак, чтобы я вечером пошел в цирк.

Они ударяли мало на той стороне луга. Я пошел назад вдоль забора, туда, где был флаг. Он хлопал на яркой траве и деревьях.

– Ну ладно. – Сказал Ластер. – Мы тут все обсмотрели. Они сюда сейчас больше не подойдут. Пойдем к ручью и отыщем четвертак, пока его там негры не отыскали.

Он был красный и хлопал на лугу. Потом была птица, косо на него и наклонно. Ластер кинул. Флаг хлопал на яркой траве и деревьях. Я держался за забор.

– Хватит выть. – Сказал Ластер. – Раз они сюда не идут, так я ж заставить их не могу, верно. Если ты не кончишь, мэмми не устроит тебе день рождения. Если ты не кончишь, знаешь, что я сделаю. Я съем весь пирог целиком. И свечи тоже съем. Съем тридцать три свечи. Ну ладно. Идем к ручью. Мне нужно найти мой четвертак. Может, мы найдем мячик. Вон. Вон они. В той стороне. Видишь. – Он подошел к забору и вытянул свою руку. – Видишь их. Они сюда больше не подойдут. Идем.

Мы пошли вдоль забора и пришли к садовому забору, где были наши тени. Моя тень была на заборе выше тени Ластера. Мы дошли до сломанного места и пролезли сквозь.

– Погоди-ка. – Сказал Ластер. – Ты опять зацепился за тот гвоздь. Ты что, не можешь здесь пролезть, не зацепившись за тот гвоздь.

Кэдди отцепила меня, и мы пролезли сквозь. Дядя Мори сказал, чтобы нас никто не видел, а поэтому надо нагнуться, сказала Кэдди. Нагнись, Бенджи. Вот так, видишь. Мы нагнулись и прошли через сад, где цветы скрипели и стучали об нас. Земля была жесткая. Мы перелезли через забор, где свиньи хрюкали и сопели. Наверное, им грустно, потому что одну из них сегодня убили, сказала Кэдди. Земля была жесткая, взбитая и узловатая.

Держи руки в карманах, сказала Кэдди. Не то ты их отморозишь. Ты ведь не хочешь отморозить руки на Рождество, верно.

– Там очень холодно. – Сказал Верш. – Незачем тебе выходить.

– Что такое. – Сказала мама.

– Он хочет пойти гулять. – Сказал Верш.

– Так пусть идет. – Сказал дядя Мори.

– Очень холодно. – Сказала мама. – Ему лучше остаться дома. Бенджамин. Немедленно прекрати.

– Ничего с ним не будет. – Сказал дядя Мори.

– Бенджамин, кому я говорю. – Сказала мама. – Если ты будешь плохо себя вести, ты пойдешь на кухню.

² Мальчик, носящий клюшки за игроками в гольф. – Примеч. пер.

– Мэмми говорит, чтоб его сегодня на кухню не пускали. – Сказал Верш. – Она говорит, что ей хватит забот со стряпней.

– Пусть идет, Каролина. – Сказал дядя Мори. – Ты совсем из-за него расхвораешься.

– Я знаю. – Сказала мама. – Это ниспосланная мне кара. Мне порой кажется.

– Я знаю. Я знаю. – Сказал дядя Мори. – Тебе следует беречь силы. Я сварю тебе пуншу.

– Он только расстроит меня еще больше. – Сказала мама. – Разве ты не знаешь.

– Ты подбодрись. – Сказал дядя Мори. – Укутай его получше, малый, и пойди погуляй с ним.

Дядя Мори ушел. Верш ушел.

– Пожалуйста, тише. – Сказала мама. – Мы же не можем одеть тебя быстрее. Я не хочу, чтобы ты заболел.

Верш надел мои калоши и пальто, и мы взяли мою шапку, и вышли. Дядя Мори убирал бутылку в буфет в столовой.

– Погуляй с ним полчаса, малый. – Сказал дядя Мори. – Но только во дворе.

– Да, сэр. – Сказал Верш. – Мы никогда его на улицу не выпускаем.

Мы вышли за дверь. Солнце было холодное и яркое.

– Куда ты. – Сказал Верш. – Тебя ж не в город берут, верно. – Мы пошли сквозь стучащие листья. Калитка была холодная. – Лучше держи руки в карманах. – Сказал Верш. – Вот они примерзнут к калитке, что ты тогда будешь делать. Почему ты не подождал их в комнате. – Он положил мои руки в мои карманы. Я слышал, как он стучит в листьях. Я чувал холод. Калитка была холодная.

– Вот тебе орешки. Эге-гей. Кыш на дерево. Посмотри-ка на белку, Бенджи.

Я совсем не чувствовал калитки, но я чувал яркий холод.

– Сунул бы ты руки назад в карманы.

Кэдди шагала. Потом она бежала, а ее ранец мотался и прыгал позади нее.

– Здравствуй, Бенджи. – Сказала Кэдди. Она открыла калитку, и вошла, и нагнулась вниз. Кэдди пахла, как листья. – Ты вышел меня встретить. – Сказала она. – Ты вышел встретить Кэдди. Верш, что же ты, ведь у него руки совсем замерзли.

– Я ему говорил, чтобы он сунул их в карманы. – Сказал Верш. – А он все держался за калитку.

– Ты вышел встретить Кэдди. – Сказала она, растирая мои руки. – Что. Что ты хочешь сказать Кэдди. – Кэдди пахла, как деревья, и как когда она говорит, что мы спим.

Чего ты воешь, сказал Ластер. Можешь опять глядеть на них, когда мы придем к ручью. Держи. Вот тебе цветочек дурмана. Он дал мне цветок. Мы пошли сквозь забор на пустырь.

– Что. – Сказала Кэдди. – Что ты хочешь сказать Кэдди. Они послали его гулять, Верш.

– Он никак не хотел уgomониться. – Сказал Верш. – Перестал, только когда его пустили, и пошел прямо сюда, и стал смотреть за калитку.

– Что. – Сказала Кэдди. – Ты думал, будет Рождество, когда я приду из школы. Ты это думал. Рождество будет послезавтра. Санта Клаус, Бенджи. Санта Клаус. Ну, давай побежим домой и согреемся. – Она взяла мою руку, и мы побежали сквозь яркие шелестящие листья. Мы побежали вверх по ступенькам из яркого холода в темный холод. Дядя Мори убирал бутылку назад в буфет. Он позвал Кэдди. Кэдди сказала:

– Отведи его к огню, Верш. Иди с Вершем. – Сказала она. – Я сейчас приду.

Мы пошли к огню. Мама сказала:

– Замерз он, Верш.

– Нет, мэм. – Сказал Верш.

– Сними с него пальто и калоши. – Сказала мама. – Сколько раз тебе повторять, чтобы ты не приводил его в комнаты в калошах.

– Да, мэм. – Сказал Верш. – Ну-ка, стой смирно. – Он снял мои калоши и расстегнул мое пальто. Кэдди сказала:

– погоди, Верш. Можно, он еще погуляет, мама. Я хочу взять его с собой.

– Лучше не надо. – Сказал дядя Мори. – Он сегодня уже достаточно нагулялся.

– Я думаю, вам обоим лучше остаться дома. – Сказала мама. – Дилси говорит, что очень похолодало.

– Ну, мама. – Сказала Кэдди.

– Чепуха. – Сказал дядя Мори. – Она весь день сидела в школе. Ей нужно подышать свежим воздухом. Иди погуляй, Кэндейс.

– Позволь ему пойти, мама. – Сказала Кэдди. – Пожалуйста. Ты ведь знаешь, он будет плакать.

– Так зачем же ты заговорила про это при нем. – Сказала мама. – Зачем ты сюда пришла. Чтобы дать ему повод снова меня расстроить. Ты сегодня достаточно погуляла. Я думаю, тебе будет лучше остаться и поиграть с ним здесь.

– Пусть идут, Каролина. – Сказал дядя Мори. – Немножко холода им не повредит. Помни, тебе надо беречь силы.

– Я знаю. – Сказала мама. – Никто не знает, как я боюсь Рождества. Никто не знает. Я ведь не из тех женщин, кто способен вынести что угодно. Я хотела бы быть сильнее, ради Джейсона и ради детей.

– Ты должна крепиться и не расстраиваться из-за них. – Сказал дядя Мори. – Идите, погуляйте, дети. Но только недолго. Иначе мама расстроится.

– Да, сэр. – Сказала Кэдди. – Идем, Бенджи. Мы опять пойдем гулять. – Она застегнула мое пальто, и мы пошли гулять.

– Ты что, собираешься вывести малыша на улицу без калош. – Сказала мама. – Ты что же, хочешь, чтобы он заболел, когда в доме полно гостей.

– Я забыла. – Сказала Кэдди. – Я думала, он в калошах.

Мы пошли назад.

– Ты должна думать. – Сказала мама. *Ну-ка, стой смирно.* Сказал Верш. Он надел мои калоши. – Когда-нибудь меня не станет, и тебе придется думать о нем. *Потопай-ка.* Сказал Верш. – Подойди сюда и поцелуй маму, Бенджамин.

Кэдди повела меня к маминому креслу, и мама взяла мое лицо в свои руки, и потом она прижала меня к себе.

– Мой бедненький малыш. – Сказала она. Она меня отпустила. – Вы с Вершем хорошенько его берегите, деточка.

– Да, мэм. – Сказала Кэдди.

Мы вышли. Кэдди сказала:

– Можешь не ходить, Верш. Я за ним слежу.

– Хорошо. – Сказал Верш. – Мне и самому неохота выходить на такой холод. – Он пошел дальше, а мы остановились в передней, и Кэдди встала на колени, и прижала свои руки вокруг меня, а свое холодное яркое лицо к моему лицу. Она пахла, как деревья.

– Ты вовсе не бедненький малыш. Ведь верно. У тебя есть твоя Кэдди. Разве у тебя нет твоей Кэдди.

Да перестань ты выть и пускать слюни, сказал Ластер. И не стыдно тебе так вопить. Мы пошли мимо каретного сарая, где была коляска. У нее было новое колесо.

– Ну-ка, залезай и сиди смирно, пока не придет мамаша. – Сказала Дилси. Она затолкнула меня в коляску. Т.П. держал вожжи. – И почему это Джейсон не купит новый фаэтон. – Сказала Дилси. – Этот вот-вот развалится на куски прямо под вами. Только посмотрите на колеса.

Мама вышла, опуская вниз свою вуаль. У нее были цветы.

– Где Роскус. – Сказала она.

- Роскус сегодня рук поднять не может. – Сказала Дилси. – Т.П. хорошо правит.
- Я боюсь. – Сказала мама. – Мне кажется, вы могли бы раз в неделю позаботиться о кучере для меня. Я же прошу такую малость, Бог свидетель.
- Вы же не хуже меня знаете, мисс Каролина, какой у Роскуса ревматизм, и не может он больше делать, чем делает. – Сказала Дилси. – Ну-ка, садитесь, да поскорее. Т.П. отвезет вас не хуже Роскуса.
- Я боюсь. – Сказала мама. – Ведь с малышом.
- Дилси пошла вверх по ступенькам.
- Вы такого детину малышом называете. – Сказала она. Она взяла локоть мамы. – Они ведь однолетки с Т.П. Ну, идите же, если хотите поехать.
- Я боюсь. – Сказала мама. Они пошли вниз по ступенькам, и Дилси помогла маме сесть. – Быть может, это было бы лучше всего для нас всех. – Сказала мама.
- И не стыдно вам так говорить. – Сказала Дилси. – Да ведь нет такого человека, чтобы заставить Королеву и рысью бежать, не то что понести. А уж черному парню восемнадцати лет это и вовсе не под силу. Она постарше и его, и Бенджи вместе взятых. А ты не вздумай погонять Королеву, слышишь, Т.П. Если ты не отвезешь мисс Каролину, как ей нравится, я скажу Роскусу. Его еще не так скрутило, чтобы он этого не смог.
- Да, мэм. – Сказал Т.П.
- Я знаю, что-нибудь случится. – Сказала мама. – Прекрати, Бенджамин.
- Дайте ему поддержать цветочек. – Сказала Дилси. – Вот чего он хочет. – Она всунула свою руку.
- Нет, нет. – Сказала мама. – Так их все растреплешь.
- Держите их покрепче. – Сказала Дилси. – Я вытащу ему один. – Она дала мне цветок, и ее рука ушла.
- Ну, поезжайте, а то Квентин вас увидит и тоже захочет поехать. – Сказала Дилси.
- Где она. – Сказала мама.
- Играет около дома с Ластером. – Сказала Дилси. – Поезжай, Т.П., и держи вожжи, как тебя учил Роскус.
- Да, мэм. – Сказал Т.П. – Но-о, Королева.
- Квентин. – Сказала мама. – Не позволяй.
- Само собой. – Сказала Дилси.
- Коляска прыгала и хрустела по двору.
- Я боюсь ехать и оставить Квентин. – Сказала мама. – Мне лучше не ездить, Т.П. – Мы проехали сквозь ворота, и она больше не прыгала. Т.П. ударил Королеву кнутом.
- Т.П., кому я говорю. – Сказала мама.
- Ее надо разогреть. – Сказал Т.П. – Чтоб не заснула, пока не вернется в сарай.
- Поворачивай. – Сказала мама. – Я боюсь ехать и оставить Квентин.
- Тут повернуть нельзя. – Сказал Т.П. Потом стало шире.
- А тут. – Сказала мама.
- Ладно. – Сказал Т.П. Мы начали поворачивать.
- Т.П., кому я говорю. – Сказала мама, сжимая меня.
- Мне ж надо повернуть. – Сказал Т.П. – Тпру, Королева. – Мы остановились.
- Ты нас перевернешь. – Сказала мама.
- Чего ж вы хотите. – Сказал Т.П.
- Я боюсь, ты не сумеешь повернуть. – Сказала мама.
- Но-о, Королева. – Сказал Т.П. Мы поехали.
- Я знаю, Дилси недосмотрит и с Квентин что-нибудь случится, пока меня нет. – Сказала мама. – Мы должны поскорее вернуться.
- Но-о. – Сказал Т.П. Он ударил Королеву кнутом.

– Т.П., кому я говорю. – Сказала мама, сжимая меня. Я слышал копыта Королевы, и яркие формы гладко и непрерывно шли по обеим сторонам, а их тени текли через спину Королевы. Они шли, как яркие верхушки колес. Потом на одной стороне они остановились у высокого белого столба, где был солдат. Но на другой стороне они шли гладко и непрерывно, только медленнее.

– Чего ты хочешь. – Сказал Джейсон. Его руки были в карманах, а за его ухом был карандаш.

– Мы едем на кладбище. – Сказала мама.

– Ладно. – Сказал Джейсон. – Я ж тебе не препятствую, так. Я что, только для того тебе и потребовался, чтобы сказать мне это.

– Я знаю, ты не поедешь. – Сказала мама. – Я бы чувствовала себя в большей безопасности.

– В безопасности от чего. – Сказал Джейсон. – Отец и Квентин не могут тебе ничего сделать.

Мама сунула платок под свою вуаль.

– Прекрати, мать, – Сказал Джейсон. – Ты что, хочешь, чтобы этот проклятый псих начал вопить посреди площади. Поезжай, Т.П.

– Но-о, Королева. – Сказал Т.П.

– Это ниспосланная мне кара. – Сказала мама. – Но и меня тоже скоро не станет.

– Э-эй. – Сказал Джейсон.

– Тпру. – Сказал Т.П. Джейсон сказал:

– Дядя Мори прицеливается взять у тебя полсотни. Как ты на это смотришь.

– Зачем спрашивать меня. – Сказала мама. – У меня нет права ничего решать. Я стараюсь не мешать тебе и Дилси. Скоро меня не станет, и тогда вы

– Поезжай, Т.П. – Сказал Джейсон.

– Но-о, Королева. – Сказал Т.П. Формы потекли. Те, на другой стороне, снова начали, яркие, и быстрые, и гладкие, как когда Кэдди говорит, что сейчас мы будем спать.

Плакса-вакса, сказал Ластер. И тебе не стыдно. Мы прошли сквозь сарай. Стойла все были открыты. Нету у тебя пони в яблоках, чтоб кататься, сказал Ластер. Пол был сухой и пыльный. Крыша проваливалась. В косых дырах вертелось желтое. Чего тебя сюда понесло. Ты что, хочешь, чтоб они тебе мячиком бабку прошибли.

– Держи руки в карманах. – Сказала Кэдди. – Не то ты их отморозишь. Ты же не хочешь отморозить руки на Рождество, верно.

Мы пошли вокруг сарая. Большая корова и маленькая стояли в двери, и мы слышали, как Принц, и Королева, и Мечта топают внутри сарая.

– Не будь так холодно, мы бы поехали на Мечте. – Сказала Кэдди. – Но сегодня так холодно, что не удержишься. – Потом мы увидели ручей, где качался дым. – Вон там убивают свинью. – Сказала Кэдди. – Мы можем вернуться с той стороны и посмотреть. – Мы пошли вниз по холму.

– Хочешь понести письмо. – Сказала Кэдди. – Ну, так понеси. – Она взяла письмо из своего кармана и положила в мой. – Это рождественский подарок. – Сказала Кэдди. – Дядя Мори хочет сделать миссис Паттерсон сюрприз. Мы должны отдать его ей так, чтобы никто не видел. Держи руки в карманах поглубже. – Мы пришли к ручью.

– Он замерз. – Сказала Кэдди. – Посмотри. – Она отломила верхушку воды и прижала кусок к моему лицу. – Лед. Это значит, что сейчас очень холодно. – Она помогла мне перейти, и мы пошли вверх по холму. – Нам нельзя даже сказать маме и папе. Знаешь, что я думаю. Я думаю, что это сюрприз для мамы, и папы, и для мистера Паттерсона, для них всех, потому что мистер Паттерсон прислал тебе конфет прошлым летом.

Там был забор. Стебли высохли, и в них стучал ветер.

– Только я не понимаю, почему дядя Мори не послал Верша. – Сказала Кэдди. – Верш ничего не сказал бы. – Миссис Паттерсон смотрела из окна. – Подожди здесь. – Сказала Кэдди. – Вот тут. Я сейчас вернусь. Дай мне письмо. – Она взяла письмо из моего кармана. – Держи руки в карманах. – Она перелезла через забор с письмом в руке и пошла сквозь бурные стучащие цветы. Миссис Паттерсон подошла к двери, и открыла ее, и стояла там.

Мистер Паттерсон рубил в зеленых цветах. Он перестал рубить и посмотрел на меня. Миссис Паттерсон шла через сад бегом. Когда я увидел ее глаза, я начал плакать. Эй, ты, идиот, сказала миссис Паттерсон, я же говорила ему, чтобы он больше никогда не присылал тебя одного. Дай его мне. Быстрее. Мистер Паттерсон шел к нам быстро с тяпкой. Миссис Паттерсон нагнулась через забор, протягивая свою руку. Она старалась перелезть через забор. Дай его мне, сказала она, дай его мне. Мистер Паттерсон перелез через забор. Он взял письмо. Платье миссис Паттерсон зацепилось в заборе. Я опять увидел ее глаза, и я побежал вниз по холму.

– Там ничего, кроме домов, нету. – Сказал Ластер. – Мы пойдем к ручью.

Внизу у ручья они стирали. Одна пела. Я чувал белье, которое хлопало, и дым, который качался через ручей.

– Ты оставайся тут. – Сказал Ластер. – Там тебе делать нечего. Они наверняка в тебя заедут.

– Чего он хочет сделать.

– Он сам не знает, чего он хочет сделать. – Сказал Ластер. – Он думает, что он хочет пойти вон туда, где они гоняют мячик. Сиди тут и играй с цветочком дурмана. Посмотри-ка, как ребята играют в ручье, раз уж тебе приспичило на что-то смотреть. Почему ты не можешь вести себя, как все люди. – Я сел на берегу, где они стирали, и дым качался синий.

– Вы тут не видали четвертака. – Сказал Ластер.

– Какого еще четвертака.

– Того, который был у меня утром. – Сказал Ластер. – Я его где-то потерял. Провалился сквозь вот эту дырку у меня в кармане. Если я его не отыщу, мне в цирк сегодня не пойти.

– Откуда у тебя четвертак, малый. Нашел, что ли, в кармане какого-нибудь белого, пока он не смотрел.

– Оттуда, откуда надо. – Сказал Ластер. – И там еще много осталось. Только мне нужно этот найти. А вы его тут не находили.

– Да буду я еще четвертаки искать. У меня своего дела хватает.

– Пойдем-ка. – Сказал Ластер. – Поможешь мне искать.

– Да он, если и увидит, так небось не поймет, что это, а.

– Помочь он все равно может. – Сказал Ластер. – Вы сегодня в цирк идете.

– Какой еще там цирк. Когда я покончу с этой лоханью, так до того устану, что рук поднять не смогу, не то, чтобы по циркам ходить.

– А на спор, ты там будешь. – Сказал Ластер. – А на спор, ты вчера там была. А на спор, вы все там будете, когда двери откроют.

– Черных там и без меня хватит. Как вчера.

– Деньги черных не хуже белых, разве нет.

– Белые дают черному деньги, потому что знают – явится сюда другой белый с оркестром, тут же их назад заберет, а черный пусть еще поработает.

– Никто ж тебя в цирк не гонит.

– Покуда нет. Не додумались еще, вот что.

– Чего это ты на белых въедаешься.

– Ничего я на них не въедаюсь. Я иду своей дорогой, а они пусть идут своей. Нужен мне этот цирк.

– У них там один человек играет песни на пиле. Как на банджо.

– Вы ходили вчера. – Сказал Ластер. – А я пойду сегодня. Если только найду, где я потерял четвертак.

– И его с собой возьмешь, а.

– Я-то. – Сказал Ластер. – Только мне и не хватало, чтобы он начал.

– А что ты делаешь, когда он заревет.

– Даю ему раз. – Сказал Ластер. Он сел и закатал штанины. Они играли в ручье.

– Вы тут мячики не находили, а. – Сказал Ластер.

– Очень ты язык распускаешь. Вот твоя бабушка услышит.

Ластер вошел в ручей, где они играли. Он искал в воде вдоль берега.

– Он у меня был, когда мы ходили здесь утром. – Сказал Ластер.

– Как же ты его потерял.

– А вот через эту самую дырку в кармане. – Сказал Ластер. Они искали в ручье. Потом они все быстро выпрямились и перестали, потом они плескались и дрались в ручье. Ластер схватил его, и они присели в воде, глядя вверх на холм сквозь кусты.

– Где они. – Сказал Ластер.

– Не видно пока.

Ластер положил его в карман. Они сошли вниз по холму.

– Сюда мяч не падал.

– Должно быть, упал в воду. Вы, ребята, тут его не видели и не слышали.

– Я не слышал, чтоб сюда что-нибудь свалилось. – Сказал Ластер. – Вроде бы стукнуло вон о то дерево. А куда дальше полетело, я не знаю.

Они поискали в ручье.

– Черт. Надо поискать по ручью. Он упал сюда. Я видел.

Они поискали по ручью. Они пошли назад вверх по холму.

– Ты мяча не брал, а. – Сказал мальчик.

– А на кой он мне. – Сказал Ластер. – Никаких мячиков я не видал.

Мальчик влез в воду. Он пошел дальше. Он повернулся и опять посмотрел на Ластера.

Он пошел дальше по ручью.

Человек наверху холма сказал: «Кэдди». Мальчик вылез из воды и пошел вверх по холму.

– Послушать тебя. – Сказал Ластер. – Тише.

– Чего он завыл.

– Бог его знает. – Сказал Ластер. – Вот примется, и все тут. Целое утро только и воет. Может, потому, что у него сегодня день рождения.

– А сколько ему.

– Ему тридцать три. – Сказал Ластер. – Тридцать три стукнуло сегодня утром.

– Ему, значит, три годика уже тридцать лет.

– Я говорю, что мне мамми говорила. – Сказал Ластер. – Я не знаю. Только на пироге будет тридцать три свечки. Маленький такой пирог. Они все на нем и не уместятся. Тише ты. Поди-ка сюда. – Он подошел и схватил мой локоть. – Псих ты старый. – Сказал он. – Хочешь, чтоб я тебя выдрал.

– Выдерешь, как же.

– В первый раз, что ли. А ну, тише. – Сказал Ластер. – Я уж тебе говорил, туда ходить нельзя. Они тебе мячиком башку начисто отшибут. Иди сюда. Ну. – Он потащил меня назад. – Садись. – Я сел, и он снял мои башмаки и закатал вверх мои штаны. – А теперь лезь в воду и играй, может, тогда перестанешь выть и пускать слюни.

Я стих, и влез в воду, и пришел Роскус, и сказал, чтоб шли ужинать, и Кэдди сказала: *Еще ужинать не пора. Я не пойду.*

Она была мокрая. Мы играли в ручье, и Кэдди присела, и намочила платье, и Верш сказал:

– Твоя мамаша тебя выдерет за то, что ты намочила платье.
– А вот и нет. – Сказала Кэдди.
– Откуда ты знаешь. – Сказал Квентин.
– А вот знаю. – Сказала Кэдди. – А ты откуда знаешь.
– Она сама говорила, что выдерет. – Сказал Квентин. – А потом, я старше тебя.
– Мне семь лет. – Сказала Кэдди. – И я знаю.
– А мне больше. – Сказал Квентин. – Я хожу в школу. Правда, Верш.
– Я пойду в школу в будущем году. – Сказала Кэдди. – Когда будет будущий год. Правда, Верш.
– Ты знаешь, она тебя драла, когда ты мочила платье. – Сказал Верш.
– Ничего оно не мокрое. – Сказала Кэдди. Она встала в воде и посмотрела на свое платье. – Я его сниму. – Сказала она. – И оно высохнет.
– На спор, не снимешь. – Сказал Квентин.
– На спор, сниму. – Сказала Кэдди.
– Тебе же хуже будет. – Сказал Квентин.
Кэдди подошла к Вершу и ко мне и повернула к нему спину.
– Расстегни его, Верш. – Сказала она.
– Не расстегивай, Верш. – Сказал Квентин.
– Да что оно, мое, что ли. – Сказал Верш.
– Лучше расстегни, Верш. – Сказала Кэдди. – Не то я расскажу Дилси, что ты делал вчера. – И Верш расстегнул платье.
– Только попробуй снять платье. – Сказал Квентин. Кэдди сняла платье и бросила его на берег. На ней не стало ничего, кроме лифчика и панталончиков, и Квентин шлепнул ее, и она поскользнулась, и упала в воду. Она встала и начала плескать воду на Квентина, а Квентин плескал воду на Кэдди. Вода попала на Верша и на меня, и Верш поднял меня вверх и посадил на берег. Он сказал, что расскажет про Кэдди и Квентина, и тогда Квентин и Кэдди начали плескать воду на Верша. Он встал позади куста.
– Я расскажу мамми про вас про всех. – Сказал Верш.
Квентин вылез вверх на берег и хотел схватить Верша, но Верш убежал, и Квентин не смог его схватить. Когда Квентин пришел назад, Верш остановился и стал кричать, что он расскажет. Кэдди сказала ему, что они позволят, чтобы он пришел назад, если он не будет рассказывать. Верш сказал, что не будет, и они ему позволили.
– Теперь ты довольна. – Сказал Квентин. – Нас теперь обоих выдерут.
– А мне все равно. – Сказала Кэдди. – Я убегу.
– Как же, убежишь. – Сказал Квентин.
– Я убегу и никогда не вернусь. – Сказала Кэдди. Я начал плакать. Кэдди повернулась и сказала: «Тише», и я стих. Потом они играли в ручье. Джейсон тоже играл. Он был сам по себе дальше по ручью. Верш обошел вокруг куста и опять взял меня вниз в воду. Кэдди была сзади вся мокрая и грязная, и я заплакал, и она подошла, и присела в воде.
– Тише. – Сказала она. – Я не убегу. – И я стих. Кэдди пахла, как деревья под дождем.
Что это с тобой, сказал Ластер. Чего ты воешь, а не играешь в ручье, как все люди. Почему ты не отведешь его домой. Тебе что, не говорили, чтобы ты не уводила его со двора.
Он все еще думает, что это ихний луг, сказал Ластер. А из дома нас тут никто не увидит.
Зато мы видим. А кому охота смотреть на полоумного. Только несчастье накликают.
Пришел Роскус и сказал, чтоб шли ужинать, а Кэдди сказала, что еще не пора ужинать.
– Нет, пора, – Сказал Роскус. – Дилси говорит, чтоб вы все шли домой. Веди-ка их, Верш. – Он пошел вверх по холму, где мычала корова.

– Может, мы высохнем, пока дойдем. – Сказал Квентин.

– Это ты виноват. – Сказала Кэдди. – И хорошо, если нас выдерут. – Она надела свое платье, и Верш его застегнул.

– Они не узнают, что ты мокрая. – Сказал Верш. – На тебе не видно. Только если я и Джейсон расскажем.

– А ты расскажешь, Джейсон. – Сказала Кэдди.

– Про кого. – Сказал Джейсон.

– Он не расскажет. – Сказал Квентин. – Ведь правда, Джейсон.

– На спор, расскажет. – Сказала Кэдди. – Он расскажет Буленьке.

– Он ей не расскажет. – Сказал Квентин. – Она больна. Если мы пойдем медленно, будет совсем темно и они ничего не увидят.

– Мне все равно, увидят они или нет. – Сказала Кэдди. – Я сама расскажу. Возьми его на закорки и отнеси на холм, Верш.

– Джейсон не расскажет. – Сказал Квентин. – Помнишь, я тебе сделал лук и стрелу, Джейсон.

– Он сломался. – Сказал Джейсон.

– Пусть рассказывает. – Сказала Кэдди. – Плевать я хотела. Возьми Мори на закорки, Верш. – Верш присел, и я влез на его спину.

Увидимся вечером в цирке, сказал Ластер. Ну-ка, пошли. Нам нужно отыскать этот четвертак.

– Если мы пойдем медленно, будет уже темно, когда мы придем. – Сказал Квентин.

– Я не пойду медленно. – Сказала Кэдди. Мы пошли вверх, но Квентин не пошел. Он был внизу у ручья, когда мы пошли туда, где можно было чухать свиней. Они хрюкали и сопели в корыте в углу. Джейсон шел позади нас, его руки были в карманах. Роскус доил корову в двери сарая.

Коровы пришли, прыгая, из сарая.

– Давай. – Сказал Т.П. – Повопи еще. Я и сам буду вопить. Ого-го-го. – Квентин снова пнул Т.П. ногой. Он пнул его ногой в корыто, где едят свиньи, и Т.П. лежал там. – Ух ты. – Сказал Т.П. – Что же это он делает, а. Видел, как этот белый меня пнул. Ого-го-го.

Я не плакал, но я не мог остановиться. Я не плакал, но земля не хотела стоять, и тогда я заплакал. Земля повертывалась вверх, и коровы бежали вверх по холму. Т.П. старался подняться вверх. Он опять упал вниз, и коровы бежали вниз по холму. Квентин держал мой локоть, и мы пошли к сараю. Потом сарая там не было, и мы ждали, чтобы он пришел назад. Я не видел, как он пришел назад. Он пришел позади нас, и Квентин посадил меня в корыто, где едят коровы. Я стал держаться за корыто. Оно тоже уходило, и я держался за него. Коровы опять бежали вниз по холму поперек двери. Я не мог остановиться. Квентин и Т.П. шли вверх по холму и дрались. Т.П. падал вниз по холму, а Квентин тащил его вверх по холму. Квентин ударил Т.П. Я не мог остановиться.

– Встань. – Сказал Квентин. – Жди тут. Не смей уходить, пока я не вернусь.

– Мы с Бенджи пойдем назад на свадьбу. – Сказал Т.П. – Ого-го-го.

Квентин опять ударил Т.П. Потом он начал тыкать Т.П. о стену. Т.П. смеялся. Каждый раз, как Квентин тыкал его о стену, он старался сказать «ого-го-го», но не мог, потому что смеялся. Я перестал плакать, но я не мог остановиться. Т.П. упал на меня, и дверь сарая ушла. Она ушла вниз по холму, и Т.П. дрался сам по себе, и он опять упал вниз. Он все еще смеялся, и я не мог остановиться, и я хотел встать вверх, и упал вниз, и я не мог остановиться. Верш сказал:

– Ну, вот устроил. Надо же. Ну-ка, хватит вопить.

Т.П. все еще смеялся. Он хлопал по двери и смеялся.

– Ого-го-го. – Сказал он. – Мы с Бенджи пойдем назад на свадьбу. Сассапариловая водичка. – Сказал Т.П.

– Тише. – Сказал Верш. – Откуда ты ее взял.

– Из погреба. – Сказал Т.П. – Ого-го-го.

– Тише ты. – Сказал Верш. – А где в погребе.

– А везде. – Сказал Т.П. Он стал смеяться еще больше. – Сто бутылок осталось. Миллион. Поберегись, негр, я буду вопить.

Квентин сказал:

– Подними его.

Верш поднял меня.

– Выпей это, Бенджи. – Сказал Квентин. Стакан был горячий. – Тише. – Сказал Квентин. – Выпей это.

– Сассапариловая водичка. – Сказал Т.П. – Дайте я выпью, мистер Квентин.

– А ты замолчи. – Сказал Верш. – Мистер Квентин тебе покажет.

– Держи его, Верш. – Сказал Квентин.

Они держали меня. Она была горячая на моем подбородке и на моей рубашке.

– Пей. – Сказал Квентин. Они держали мою голову. Внутри меня было горячо, и я начал опять. Я теперь плакал, и внутри меня что-то случилось, и я плакал еще, и они держали меня, пока это не перестало случаться. Потом я стих. Оно все еще шло вокруг, а потом начались формы. – Открой ларь, Верш. – Они шли медленно. – Расстели пустые мешки на полу. – Они шли быстро, почти так быстро, как надо. – Так. Бери его за ноги. – Они шли, гладкие и яркие. Я слышал, как Т.П. смеется. Я пошел с ними вверх по яркому холму...

Наверху холма Верш спустил меня вниз.

– Иди сюда, Квентин. – Позвал он, глядя назад вниз с холма. Квентин еще стоял там у ручья. Он кидал в тень, где был ручей.

– Ну и пусть хрыча там и остается. – Сказала Кэдди. Она взяла мою руку, и мы пошли мимо сарая и сквозь калитку. На кирпичной дорожке была лягушка, она сидела прямо на середине. Кэдди перешагнула через нее и потянула меня дальше.

– Иди, Мори. – Сказала Кэдди. Она все сидела там, пока Джейсон не ткнул ее башмаком.

– Будешь в бородавках. – Сказал Верш. Лягушка упрыгала.

– Иди, Мори. – Сказала Кэдди.

– Там сегодня гости. – Сказал Верш.

– Откуда ты знаешь. – Сказала Кэдди.

– А все лампы горят. – Сказал Верш. – Во всех окнах.

– Что же, мы не можем зажечь все лампы и без гостей, если нам хочется. – Сказала Кэдди.

– На спор, там гости. – Сказал Верш. – Лучше идите через черный ход и сразу наверх.

– Мне все равно. – Сказала Кэдди. – Я пойду прямо в гостиную, где они сидят.

– На спор, твой папаша тебя выдерет. – Сказал Верш.

– Мне все равно. – Сказала Кэдди. – Я пойду прямо в гостиную. Я пойду прямо в столовую и съем весь ужин.

– Где ж ты будешь сидеть. – Сказал Верш.

– В буленькином кресле. – Сказала Кэдди. – Она теперь ест в кровати.

– Я хочу есть. – Сказал Джейсон. Он прошел мимо нас и побежал дальше по дорожке. Его руки были в карманах, и он упал вниз. Верш пошел и поднял его вверх.

– Не будешь держать руки в карманах, так не упадешь. – Сказал Верш. – Ты такой толстый, что не успеешь их вытащить, чтоб упереться.

Папа стоял рядом с кухонными ступеньками.

– Где Квентин. – Сказал он.

– Идет по дорожке. – Сказал Верш. Квентин шел медленно. Его рубашка была белое пятно.

– А. – Сказал папа. Свет падал вниз по ступенькам, на него.

– Кэдди и Квентин плескались друг на друга водой. – Сказал Джейсон.

Мы ждали.

– Да. – Сказал папа. Квентин подошел, и папа сказал: – Сегодня вы будете ужинать на кухне. – Он остановился и поднял меня вверх, и свет покатился по ступенькам и на меня тоже, и я смотрел вниз на Кэдди, и Джейсона, и Квентина, и Верша. Папа повернулся к ступенькам. – Только вы не должны шуметь.

– Почему мы не должны шуметь, папа. – Сказала Кэдди. – У нас гости, да.

– Да. – Сказал папа.

– Я же говорил, что гости. – Сказал Верш.

– Не говорил. – Сказала Кэдди. – Это я сказала. Я сказала, что пойду.

– Тише. – Сказал папа. Они стихли, и папа открыл дверь, и мы пошли через заднее крыльцо, и вошли в кухню. Там была Дилси, и папа посадил меня на стул, и опустил перекладину, и подтолкнул его к столу, где был ужин. Он пускал пар.

– Слушайте Дилси. – Сказал папа. – Последи, чтобы они поменьше шумели, Дилси.

– Да, сэр. – Сказала Дилси. Папа ушел.

– Смотрите, слушайте Дилси. – Сказал он позади нас. Я наклонил мое лицо туда, где был ужин. Он пускал пар на мое лицо.

– Пусть они сегодня слушаются меня, папа. – Сказала Кэдди.

– Не буду. – Сказал Джейсон. – Я буду слушаться Дилси.

– Нет, будешь, если папа скажет. – Сказала Кэдди. – Пусть они меня слушаются, папа.

– Не буду. – Сказал Джейсон. – Я не буду тебя слушаться.

– Тише. – Сказал папа. – Ну, так все слушайте Кэдди. Когда они кончат, проводи их наверх по задней лестнице, Дилси.

– Да, сэр. – Сказала Дилси.

– Вот. – Сказала Кэдди. – Теперь вы будете меня слушаться.

– Сидите тихо. – Сказала Дилси. – Сегодня нельзя шуметь.

– Почему сегодня нельзя шуметь. – Прошептала Кэдди.

– Поменьше спрашивай. – Сказала Дилси. – Узнаешь в Господне время. – Она принесла мою миску. Она пускала пар, и он пришел и щекотал мое лицо. – Поди сюда, Верш. – Сказала Дилси.

– А когда будет Господне время, Дилси. – Сказала Кэдди.

– В воскресенье. – Сказал Квентин. – Ничегошеньки ты не знаешь.

– Ш-ш-ш-ш. – Сказала Дилси. – Ведь мистер Джейсон сказал, чтобы вы не шумели. Ешьте ужин. Ну-ка, Верш. Возьми его ложку. – Рука Верша пришла с ложкой в миску. Ложка пришла вверх к моему рту. Пар щекотал в моем рту. Потом мы перестали есть, и мы посмотрели друг на друга, и мы не шумели, и тогда мы опять услышали это, и я начал плакать.

– Что это было. – Сказала Кэдди. Она положила свою руку на мою руку.

– Это мама. – Сказал Квентин. Ложка пришла вверх, и я съел, потом я опять плакал.

– Тише. – Сказала Кэдди. Но я не стих, и она пришла и прижала свои руки вокруг меня. Дилси пошла и закрыла обе двери, и мы этого не слышали.

– Ш-ш-ш, тише. – Сказала Кэдди. Я стих и ел. Квентин не ел, а Джейсон ел.

– Это мама. – Сказал Квентин. Он встал.

– Ну-ка, сядь сейчас же. – Сказала Дилси. – Там гости, а ты весь в грязи. Ты тоже садись, Кэдди, и доедай.

– Она плачет. – Сказал Квентин.

– Это кто-то пел. – Сказала Кэдди. – Правда, Дилси.

– Ну-ка, ешьте ужин, как велел мистер Джейсон. – Сказала Дилси. – Узнаете все в Господне время. – Кэдди пошла назад к своему стулу.

– Я вам говорила, что это званый вечер. – Сказала она.

Верш сказал:

– Он все съел.

– Подай сюда его миску. – Сказала Дилси. Миска ушла.

– Дилси. – Сказала Кэдди. – Квентин не ест. Он ведь должен меня слушаться, правда.

– Ешь, Квентин. – Сказала Дилси. – Доедайте и убирайтесь из моей кухни.

– Я больше не хочу есть. – Сказал Квентин.

– Ты должен есть, если я велю. – Сказала Кэдди. – Правда, Дилси.

Миска пускала пар в мое лицо, и рука Верша опускала в нее ложку, и пар щекотал внутри моего рта.

– Я больше не хочу есть. – Сказал Квентин. – Как они могли устроить вечер, если Буленька больна.

– Они устроили его внизу. – Сказала Кэдди. – Она может выйти на площадку и все увидеть. Я так и сделаю, когда надену ночную рубашку.

– Мама плачет. – Сказал Квентин. – Правда, она плачет, Дилси.

– Не приставай ко мне, малый. – Сказала Дилси. – Мне еще нужно готовить ужин для них для всех, когда вы кончите.

Потом даже Джейсон кончил есть и стал плакать.

– Теперь ты начал. – Сказала Дилси.

– Он теперь каждый вечер плачет, потому что Буленька больна и ему нельзя спать с ней. – Сказала Кэдди. – Плакса-вакса.

– Я про тебя все расскажу. – Сказал Джейсон.

Он плакал.

– А ты уже рассказал. – Сказала Кэдди. – Больше тебе про меня рассказать нечего, вот.

– Вам всем пора спать. – Сказала Дилси. Она пришла, и сняла меня вниз, и вытерла мое лицо и руки теплым полотенцем. – Верш, проводи их по задней лестнице, но только чтоб тихо. Джейсон, хватит плакать.

– Еще рано ложиться. – Сказала Кэдди. – Мы никогда так рано не ложимся.

– А сегодня ляжете. – Сказала Дилси. – Ваш папаша велел, чтоб вы сразу шли наверх, когда поужинаете. Вы сами слышали.

– Он велел, чтоб слушались меня. – Сказала Кэдди.

– Я не буду тебя слушаться. – Сказал Джейсон.

– А вот будешь. – Сказала Кэдди. – Идемте. Вы должны делать, как я говорю.

– Смотри, чтоб они не шумели, Верш. – Сказала Дилси. – Вы ведь все будете вести себя тихо.

– А почему мы должны сегодня вести себя тихо. – Сказала Кэдди.

– Ваша мамаша плохо себя чувствует. – Сказала Дилси. – Ну-ка, все идите с Вершем.

– Я говорил вам, что мама плачет. – Сказал Квентин. Верш поднял меня вверх и открыл дверь на заднее крыльцо. Мы вышли, и Верш закрыл дверь, и стало черное. Я чуял Верша и чувствовал его.

– Ну-ка, ведите себя тихо. Мы пока наверх не пойдем. Мистер Джейсон сказал, чтоб вы сразу шли наверх. Он сказал, чтоб слушались меня. Я тебя не буду слушаться. Но он сказал, чтоб мы все. Правда, он сказал, Квентин. – Я чувствовал голову Верша. Я слышал нас. – Правда, он сказал, Верш. Да, сказал. Тогда я говорю, чтоб мы пока пошли гулять. Идем. – Верш открыл дверь, и мы вышли.

Мы пошли вниз по ступенькам.

– Нам лучше пойти к дому Верша, чтобы мы не шумели. – Сказала Кэдди. Верш опустил меня вниз, и Кэдди взяла мою руку, и мы пошли по кирпичной дорожке.

– Иди. – Сказала Кэдди. – Лягушки тут больше нет. Она давно усакала в сад. Может, мы увидим еще одну. – Роскус шел с подойником. Он пошел дальше. Квентин не шел с нами. Он сидел на кухонных ступеньках. Мы пошли к дому Верша. Мне нравилось чутя дом Верша. *Там горел огонь, и Т.П. в рубашке на корточках перед ним кидал в пламя.*

Тогда я встал, и Т.П. одел меня, и мы пошли на кухню, и ели. Дилси пела, и я начал плакать, и она перестала.

– Держи его подальше от дома, слышишь. – Сказала Дилси.

– Нам по этой дороге идти нельзя. – Сказал Т.П.

Мы играли в ручье.

– Нам туда идти нельзя. – Сказал Т.П. – Ты что, не знаешь, мэмми же сказала, что нельзя. Дилси пела в кухне, и я начал плакать.

– Тише. – Сказал Т.П. – Пойдем. Сходим в сарай.

Роскус доил у сарая. Он доил одной рукой и стонал. Птицы сидели на двери сарая и глядели на него. Одна слетела вниз и ела с коровами. Я глядел, как Роскус доит, а Т.П. кормил Королеву и Принца. Теленок был в свином закутке. Он тер носом о сетку и кричал.

– Т.П. – Сказал Роскус. Т.П. сказал «сэр» в сарае. Мечта держала голову над дверью, потому что Т.П. ее еще не кормил. – Кончай там. – Сказал Роскус. – И иди доить. У меня правая рука совсем не слушается.

Т.П. пришел и доил.

– Почему ты доктору не покажешь. – Сказал Т.П.

– А что доктор сделает. – Сказал Роскус. – В этом доме все равно толку не будет.

– Чем этот дом плох. – Сказал Т.П.

– Нет этому дому судьбы. – Сказал Роскус. – Выпусти теленка, раз ты кончил.

Нет этому дому судьбы, сказал Роскус. Позади него и Верша огонь поднимался и падал, скользя по его лицу и по лицу Верша. Дилси кончила укладывать меня в кровать. Кровать пахла, как Т.П. Мне это нравилось.

– Ты-то чего об этом знаешь. – Сказала Дилси. – На тебя что, накатило.

– И не надо, чтоб накатывало. – Сказал Роскус. – Разве ж знак не лежит в этой кровати. Разве ж люди пятнадцать лет не видят этот знак.

– Ну и что. – Сказала Дилси. – Тебе-то и твоим худа от этого не было. Верш работает, и Фроуни замуж выдали, и Т.П. уже так вырос, что подменит тебя, когда ревматизм тебя совсем скрутит.

– Вот их уже двое. – Сказал Роскус. – Значит, будет еще один. Я видел знак, и ты тоже.

– Я в ту ночь козодоя слышал. – Сказал Т.П. – И Дэн никак не шел к дому, хоть ему миску уже поставили. Ближе сарая не подходил. И выть начал, чуть стемнело. Верш слышал.

– И не один еще будет, а больше. – Сказала Дилси. – Покажи-ка мне человека, который никогда не умрет, слава Иисусу.

– Не только в смерти дело. – Сказал Роскус.

– Я знаю, про что ты думаешь. – Сказала Дилси. – И уж если назовешь это имя, так тебе судьбы не будет, разве сам посидишь с ним, пока он не наплачется.

– Нет этому дому судьбы. – Сказал Роскус. – Я с самого начала знал. А как ему сменили имя, так уж все ясно стало.

– Да замолчи ты. – Сказала Дилси. Она положила одеяло наверх. Оно пахло, как Т.П. – Чтoб я вас больше не слышала, пока он не заснет.

– Я видел знак. – Сказал Роскус.

– Такой знак, что Т.П. должен делать за тебя всю твою работу. – Сказала Дилси. *Он и Квентин пусть поиграют с Ластером, Т.П. Отведи их к дому, чтобы Фроуни за ними присматривала, а сам иди помогай отцу.*

Мы кончили есть. И мы пошли к дому Т.П., Квентин на руках у Т.П. Ластер играл в песке. Т.П. опустил Квентин вниз, и она тоже играла в песке. У Ластера были катушки, и он и Квентин дрались, и у Квентин были катушки. Ластер плакал, и пришла Фроуни, и дала Ластеру жестянку, чтобы играть, и потом катушки были у меня, и Квентин дралась со мной, и я плакал.

– Тише. – Сказала Фроуни. – И не стыдно тебе. Отнял игрушки у маленькой. – Она взяла катушки у меня и опять дала их Квентин.

– Тише. – Сказала Фроуни. – Тише, тебе говорят.

– Тише ты. – Сказала Фроуни. – Выдрать тебя надо, вот что. – Она взяла Ластера и Квентин. – Ну-ка, идем. – Сказала она. Мы пошли к сараю. Т.П. доил корову. Роскус сидел на ящике.

– Ну, что он еще наделал. – Сказал Роскус.

– Нет уж, держите его тут. – Сказала Фроуни. – Он опять дрался с маленькими. Отнимал у них игрушки. Оставайся с Т.П. Может, ты стихнешь.

– Смотри, выдои все до капли. – Сказал Роскус. – Прошлой зимой у тебя молодая корова перестала доиться. Если и эта перестанет, останемся совсем без молока.

Дилси пела.

– Не туда. – Сказал Т.П. – Ты что, не знаешь, мэмми сказала, что туда нельзя.

Они пели.

– Пойдем. – Сказал Т.П. – Пойдем туда, где Квентин и Ластер. Поиграешь с ними.

Квентин и Ластер играли в песке перед домом Т.П. В доме был огонь. Он поднимался и падал, и Роскус сидел перед ним черный.

– Вот и трое, благодарение Господу. – Сказал Роскус. – Я тебе два года назад говорил. Нет этому дому судьбы.

– Так чего же ты тут остаешься. – Сказала Дилси. Она раздевала меня. – От твоих разговоров про судьбу-несудьбу Верш себе в голову Мемфис и забрал. Вот и радуйся.

– Ну, если Вершу хуже судьбы не будет. – Сказал Роскус.

Вошла Фроуни.

– Все сделали. – Сказала Дилси.

– Т.П. кончает. – Сказала Фроуни. – Мисс Каролина говорит, чтоб ты скорее шла. Квентин спать хочет.

– И так уж скорее некуда. – Сказала Дилси. – Пора бы ей запомнить, что крыльев у меня нету.

– А что я тебе говорю. – Сказал Роскус. – Никакому дому судьбы не будет, если в нем имя собственного ребенка называть не хотят.

– Тише. – Сказала Дилси. – Ты что, хочешь, чтоб он опять начал.

– Чтоб ребенок рос, не зная, как его мамашу зовут. – Сказал Роскус.

– О ней не беспокойся. – Сказала Дилси. – Я их всех вырастила, так выращу и еще одну. И замолчи. Дай ему уснуть.

– Имя сказать. – Сказала Фроуни. – Да он же ни одного имени не знает.

– Ты попробуй скажи его, и увидишь, знает или не знает. – Сказала Дилси. – Ты его скажи, когда он спит, и он тебя все равно услышит, вот что.

– Он знает куда больше, чем люди думают. – Сказал Роскус. – Он знал, когда их время приходило, не хуже этого пойнера. Он бы тебе сказал, когда ему самому время придет, умеи он говорить. Или тебе. Или мне.

– Мама, забери Ластера из кровати. – Сказала Фроуни. – Как бы он ему вреда не сделал.

– Замолчи ты. – Сказала Дилси. – Дура ты, что ли. И чего ты Роскуса слушаешь. Ложись, Бенджи.

Дилси толкнула меня, и я лег в кровать, где уже был Ластер. Он спал. Дилси взяла длинный кусок дерева и положила его между Ластером и мной.

– Смотри оставайся на своей половине. – Сказала Дилси. – Ластер маленький, так ты можешь его ушибить.

Туда еще нельзя, сказал Т.П. Погоди.

Мы смотрели за угол дома и глядели, как уезжают кареты.

– Ну-ка. – Сказал Т.П. Мы бежали к углу забора и глядели, как они проезжают. Квентин у него на руках. – Вон он едет. – Сказал Т.П. – Видишь, в той, за стеклом. Смотри на него. Он лежит там внутри. Видишь.

Идем, сказал Ластер, я этот мячик унесу домой, чтоб не потерять. Нет уж, я его тебе не дам. Если они его у тебя увидят, то скажут, что ты его украл. Тише, ну. Я тебе его не дам. На кой он тебе. Ты мячиком играть не умеешь.

Фроуни и Т.П. играли в песке у двери. У Т.П. были светляки в бутылке.

– Как это вы все ушли. – Сказала Фроуни.

– У нас гости. – Сказала Кэдди. – Папа сказал, чтобы мы сегодня слушались меня. Значит, ты и Т.П. тоже должны меня слушаться.

– Я не буду тебя слушаться. – Сказал Джейсон. – И Фроуни и Т.П. тоже не должны.

– Нет, они будут слушаться, если я им скажу. – Сказала Кэдди. – Только, может, я им не скажу.

– Т.П. никого не слушается. – Сказала Фроуни. – А похороны начались или нет еще.

– Что такое похороны. – Сказал Джейсон.

– Мэмми же велела, чтоб ты им не говорила. – Сказал Верш.

– Это когда причитают. – Сказала Фроуни. – Над сестрой Бьюлой Клей причитали два дня.

В доме Дилси причитали. Дилси причитала. Когда Дилси причитала, Ластер сказал тише, и мы стихли; и тогда я начал плакать, и Серый завыл под кухонными ступеньками. Тогда Дилси перестала, и мы перестали.

– А. – Сказала Кэдди. – Это же негры. У белых не бывает.

– Мэмми сказала, чтоб мы им не говорили, Фроуни. – Сказал Верш.

– Чего им не говорили. – Сказала Кэдди.

Дилси причитала, и когда стало громко, я начал плакать, и Серый выл под ступеньками. Ластер, сказала Фроуни в окне, уведи их к сараю. Я не могу готовить, с вами тут оглохнешь. И собаку тоже. Уведи их отсюда.

Я туда не пойду, сказал Ластер. Еще встречу деда. Я его видел вчера. Он махал руками в сарае.

– Это еще почему. – Сказала Фроуни. – Белые тоже умирают. Ваша бабка сейчас мертвая не хуже всякого негра.

– Собаки бывают мертвые. – Сказала Кэдди. – И еще когда Нэнси упала в канаву, и Роскус ее застрелил, и прилетели сарычи и раздели ее.

Кости выкрутились из канавы, где темные выюнки были в темной канаве, на лунный свет, будто эти формы остановились. Потом они все остановились, и было темно, и когда я остановился, чтобы начать опять, я слышал маму и ноги, которые быстро уходили, и я чувал это. Потом пришла комната, но мои глаза пошли и закрылись. Я не остановился. Я чувал это. Т.П. отшпилил простыни.

– Тише. – Сказал он. – Ш-ш-ш-ш.

Но я чувал это. Т.П. поднял меня вверх, и он быстро надел мою одежду.

– Тише, Бенджи. – Сказал он. – Мы пойдем к нам домой. Ты же хочешь пойти к нам домой, к Фроуни. Тише. Ш-ш-ш-ш.

Он зашнуровал мои башмаки, и надел мою шапку, и мы вышли. В передней горел свет. За передней мы слышали маму.

– Ш-ш-ш-ш, Бенджи. – Сказал Т.П. – Мы сейчас выйдем.

Открылась дверь, и я чувал это еще сильнее, чем раньше. И вышла голова. Это не был папа. Папа был там больной.

– Ты что, не можешь увести его из дома.

– Мы и идем. – Сказал Т.П. Дилси шла вверх по ступенькам.

– Тише. – Сказала она. – Тише. Отведи его домой, Т.П. Фроуни ему постелит. Вы там за ним приглядывайте. Тише, Бенджи. Иди с Т.П.

Она пошла туда, где мы слышали маму.

– Пусть он там и остается. – Это не был папа. Он закрыл дверь, но я все-таки чувал это.

Мы пошли вниз по ступенькам. Ступеньки шли вниз в темноту, и Т.П. взял мою руку, и мы вышли из двери, из темноты. Дэн сидел на заднем дворе и выл.

– Он его чуёт. – Сказал Т.П. – А ты как узнал, тоже так.

Мы шли вниз по ступенькам, где были наши тени.

– Я забыл твою куртку. – Сказал Т.П. – Тут холодно. Только я все равно назад не пойду.

Дэн выл.

– Тише ты. – Сказал Т.П. Наши тени двигались, а тень Дэна не двигалась, а только чтобы выть, когда он выл.

– Не поведу ж я тебя домой, пока ты реवेशь. – Сказал Т.П. – И раньше-то терпеть трудно было, а ведь теперь у тебя голосина, как у быка. Ну, идем.

Мы шли по кирпичной дорожке вместе с нашими тенями. Свиной закуток пах как свиньи. Корова стояла на пустыре и жевала на нас. Дэн выл.

– Ты так весь город перебудишь. – Сказал Т.П. – Да тише ты.

Мы увидели Мечту, она ела у ручья. Луна светила на воду, когда мы пришли туда.

– Нет уж. – Сказал Т.П. – Тут слишком близко. Нам тут оставаться нельзя. Идем. Ну, посмотри-ка на себя. Всю ногу обмочил. Ну, иди, иди. – Дэн выл.

Из жужжащей травы вышла канава. Кости выкружились из темных выюнков.

– Ну. – Сказал Т.П. – Ревь теперь сколько хочешь. У тебя, чтобы реветь, есть вся ночь и луг в двадцать акров.

Т.П. лег в канаву, а я сел и стал глядеть на кости, где сарычи ели Нэнси и хлопали крыльями из канавы, черные, и медленные, и тяжелые.

Он у меня еще был, когда мы шли тут раньше, сказал Ластер. Я ж его тебе показывал. Разве ты не видел. Я вынул его из кармана вот тут и показал тебе.

– Ты что, думаешь, сарычи разденут Буленьку. – Сказала Кэдди. – Ты ополоумел.

– Ты хрыча. – Сказал Джейсон. Он начал плакать.

– А ты пустая башка. – Сказала Кэдди. Джейсон плакал. Его руки были в карманах.

– Джейсон будет богатым. – Сказал Верш. – Он все время держится за свои денежки.

Джейсон плакал.

– Ну вот, он из-за тебя начал. – Сказала Кэдди. – Тише, Джейсон. Как же сарычи доберутся туда, где Буленька. Папа их не пустит. Ты бы разве позволил сарычам себя раздеть. Ну, тише.

Джейсон стих.

– Фроуни сказала, это похороны. – Сказал он.

– Да нет же. – Сказала Кэдди. – Это гости. Фроуни про это ничего не знает. Он хочет твоих светляков, Т.П. Дай ему поддержать.

Т.П. дал мне бутылку со светляками.

– На спор, если мы подойдем к окну гостиной, то чего-нибудь увидим. – Сказала Кэдди. – Тогда вы мне поверите.

- Я и так знаю. – Сказала Фроуни. – Чего мне смотреть.
– Помолчала бы ты, Фроуни. – Сказал Верш. – Мэмми тебя выдерет.
– А что. – Сказала Кэдди.
– Я знаю, что я знаю. – Сказала Фроуни.
– Пошли. – Сказала Кэдди. – Обойдем дом.
Мы начали идти.
– Отдайте Т.П. светляков. – Сказала Фроуни.
– Пусть он еще подержит, ладно, Т.П. – Сказала Кэдди. – Мы ее потом принесем.
– Вы-то их не ловили. – Сказала Фроуни.
– А если я позволю, чтобы вы с Т.П. тоже пошли, вы дадите ему еще ее подержать. – Сказала Кэдди.
– Нам с Т.П. никто не велел тебя слушаться. – Сказала Фроуни.
– А если я скажу, что и не надо, вы дадите ему еще ее подержать. – Сказала Кэдди.
– Ладно. – Сказала Фроуни. – Пусть держит, Т.П. А мы пойдем поглядим, как они причитают.
– Они не причитают. – Сказала Кэдди. – Говорю же вам, это гости. Разве они причитают, Верш.
– Будем тут стоять, так не узнаем, чего они делают. – Сказал Верш.
– Идем. – Сказала Кэдди. – Фроуни и Т.П. не должны меня слушаться. А все мы остальные должны. Верш, лучше понеси его. Темно становится.
Верш поднял меня вверх, и мы пошли вокруг кухни.
Когда мы поглядели за угол, к дому шли огни. Т.П. пошел назад к двери погреба и открыл ее.
Ты знаешь, что там, сказал Т.П. Содовая. Я видел, как мистер Джейсон вылезал с бутылками в обеих руках. Подожди-ка тут минутку.
Т.П. пошел и посмотрел в дверь кухни. Дилси сказала, чего ты сюда пялишься. Где Бенджи.
А там, сказал Т.П.
Так иди смотри за ним, сказала Дилси. Не пускай его в дом. Да, мэм, сказал Т.П. А они уже начали.
Иди и следи, чтоб его никто не увидел, сказала Дилси. А у меня и так хлопот хватает.
Из-под дома выползла змея. Джейсон сказал, что он не боится змей, и Кэдди сказала, что он боится, а она нет, и Верш сказал, что они оба боятся, и Кэдди сказала, чтоб мы не шумели, как папа сказал.
Только не начини реветь, сказал Т.П. Ты ж хочешь попробовать сассапариловой водички. Она щекотала мой нос и глаза.
Не хочешь пить, так дай мне, сказал Т.П. Хорошо прошло. Ну-ка, возьмем еще бутылочку, пока к нам никто не лезет. Эй, не шуми.
Мы остановились под деревом рядом с окном гостиной. Верш опустил меня вниз на мокрую траву. Она была холодная. Во всех окнах были огни.
– Буленька вон там. – Сказала Кэдди. – Ей теперь каждый день плохо. Когда она выздоровеет, у нас будет пикник.
– Я знаю, что я знаю. – Сказала Фроуни.
Деревья жужжали, и трава.
– А то, которое рядом, это где мы болеем корью. – Сказала Кэдди. – А где вы с Т.П. болеете корью, Фроуни.
– Где болеем, там и болеем. – Сказала Фроуни.
– Они еще не начали. – Сказала Кэдди.

Они сейчас начнут, сказал Т.П. Ты стой тут, а я принесу ящик, чтоб смотреть в окно. Э-эй, давай-ка допьем эту сассапарилку. Пьешь, и в тебе прямо верещит, точно козодой.

Мы выпили сассапарилку, и Т.П. пихнул бутылку сквозь решетку под дом, и ушел. Я слышал их в гостиной и царапал моими руками по стене. Т.П. притащил ящик. Т.П. упал вниз, и он начал смеяться. Он лежал и смеялся в траву. Он встал и подтащил ящик под окно, стараясь, чтобы не смеяться.

– Ух, боюсь, и начну же я вопить. – Сказал Т.П. – Лезь на ящик и смотри, начали они.

– Они не начали, потому что музыканты еще не приезжали. – Сказала Кэдди.

– Не будет никаких музыкантов. – Сказала Фроуни.

– А ты откуда знаешь. – Сказала Кэдди.

– Я знаю, что я знаю. – Сказала Фроуни.

– Ничегошеньки ты не знаешь. – Сказала Кэдди. Она подошла к дереву. – Подсади меня, Верш.

– Твой папаша велел, чтоб ты к этому дереву не подходила. – Сказал Верш.

– Это давно было. – Сказала Кэдди. – Наверно, он забыл. И еще он сказал, чтоб меня сегодня слушались. Разве он не сказал, чтоб меня сегодня слушались.

– Я тебя не буду слушаться. – Сказал Джейсон. – И Фроуни с Т.П. тоже не будут.

– Подсади меня, Верш. – Сказала Кэдди.

– Ладно. – Сказал Верш. – Выдерут-то тебя. А не меня. – Он подошел и посадил Кэдди вверх на первую ветку. Мы глядели на грязный низ ее панталончиков. Потом мы не стали ее видеть. Мы слышали, как дерево хлещет.

– Мистер Джейсон сказал, что он тебя выдерет, если ты сломаешь дерево. – Сказал Верш.

– А я расскажу, вот. – Сказал Джейсон.

Дерево перестало хлестать. Мы смотрели вверх в неподвижные ветки.

– Что ты видишь. – Прошептала Фроуни.

Я видел их. Потом я видел Кэдди с цветами в волосах и в длинной вуали, как светящийся ветер. Кэдди. Кэдди.

– Тише. – Сказал Т.П. – Они тебя услышат. Слезай быстрее. – Он тащил меня. Кэдди. Я царапал моими руками по стене. Кэдди. Т.П. тащил меня.

– Тише. – Сказал он. – Тише. Иди сюда быстрее. – Он тащил меня. Кэдди. – Тише ты, Бенджи. Хочешь, чтоб они тебя услышали. Пойдем выпьем еще сассапарилки, а потом можно и вернуться, если ты стихнешь. Возьмем-ка еще одну бутылочку, не то мы оба завопим. Мы скажем, что ее Дэн выпил. Мистер Квентин всегда говорит, какой он умный, вот мы и скажем, что он сассапарильная собака.

Лунный свет шел по ступенькам погребка. Мы выпили еще сассапарилки.

– Знаешь, чего я хочу. – Сказал Т.П. – Я хочу, чтоб в эту погребную дверь вошел медведь. Знаешь, что я сделаю. Я подойду прямо к нему и плюну ему в глаза. Дай-ка мне бутылку заткнуть рот, пока я не завопил.

Т.П. упал вниз. Он начал смеяться, и погребная дверь, и лунный свет упрыгнули, и меня что-то ударило.

– Тише ты. – Сказал Т.П., стараясь, чтобы не смеяться. – Господи, они ж нас услышат. Вставай. – Сказал Т.П. – Вставай, Бенджи, быстрее. – Он молотил вокруг и смеялся, и я старался встать. Погребные ступеньки бежали вверх по холму в лунном свете, и Т.П. упал вверх по холму в лунный свет, и я бежал, и был забор, и Т.П. бежал позади меня и говорил: «Тише ты тише ты». Потом он упал в цветы, а я набежал на ящик. Но когда я стал влезать на него, он упрыгнул и ударил меня по затылку, и мое горло сделало звук. Оно опять сделало звук, и я перестал стараться встать, и оно снова сделало звук, и я начал плакать. Но мое горло все делало и делало звук, а Т.П. тащил меня. Оно все делало и делало его, и я не знал, плачу я или нет, и Т.П. упал на меня, смеясь, и оно все делало и делало звук, и Квентин пнул Т.П., и

Кэдди прижала свои руки вокруг меня, и свою светящуюся вуаль, и я больше не чувствовал запаха деревьев, и я начал плакать.

Бенджи, сказала Кэдди, Бенджи. Она опять прижала свои руки вокруг меня, но я ушел. – В чем дело, Бенджи. – Сказала она. – Эта шляпа. – Она сняла свою шляпу, и опять пришла, и я ушел.

– Бенджи. – Сказала она. – В чем дело, Бенджи. Что сделала Кэдди.

– Ему не нравится это дурацкое платье. – Сказал Джейсон. – Ты думаешь, ты взрослая, да. Ты думаешь, ты лучше всех, да. Воображала.

– Ты замолчи. – Сказала Кэдди. – Хорек ты, Бенджи.

– Только потому, что тебе четырнадцать, ты воображаешь, будто ты взрослая, да. – Сказал Джейсон. – Ты думаешь, ты кто-то. Да.

– Тише, Бенджи. – Сказала Кэдди. – Ты потревожишь маму. Тише.

Но я не стих, и она ушла, и я пошел за ней, и она остановилась на ступеньках, и ждала, и я тоже остановился.

– В чем дело, Бенджи. – Сказала Кэдди. – Скажи Кэдди. Она сделает. Попробуй.

– Кэндейс. – Сказала мама.

– Да, мэм. – Сказала Кэдди.

– Зачем ты его дразнишь. – Сказала мама. – Приведи его сюда.

Мы пошли в мамину комнату. На ее голове была болезнь на сложенном полотенце.

– Что еще случилось. – Сказала мама. – Бенджамин.

– Бенджи. – Сказала Кэдди. Она опять пришла, но я ушел.

– Ты, конечно, что-то ему сделала. – Сказала мама. – Почему ты не перестанешь приставать к нему и не дашь мне немного покоя. Дай ему шкатулку и, пожалуйста, уйди и не приставай к нему.

Кэдди взяла шкатулку, и поставила ее на пол, и открыла. Она была вся полная звезд. Пока я не двигался, они не двигались. Когда я шевелился, они блестели и бросали искры. Я стих.

Потом я услышал, что Кэдди идет, и опять начал.

– Бенджамин. – Сказала мама. – Пойди сюда. – Я пошел к двери. – Бенджамин, кому я говорю. – Сказала мама.

– В чем дело. – Сказал папа. – Куда ты идешь.

– Уведи его вниз, Джейсон, и пусть за ним кто-нибудь присмотрит. – Сказала мама. – Ты знаешь, я больна, и все-таки ты.

Папа закрыл дверь позади нас.

– Т.П. – Сказал он.

– Сэр. – Сказал Т.П. внизу.

– Бенджи идет вниз. – Сказал папа. – Иди с Т.П.

Я пошел к двери ванной. Я слушал воду.

– Бенджи. – Сказал Т.П. внизу.

Я слышал воду. Я стал слушать ее.

– Бенджи. – Сказал Т.П. внизу.

Я слушал воду.

Я не слышал воду, и Кэдди открыла дверь.

– Что ты, Бенджи. – Сказала она. Она посмотрела на меня, и я пошел, и она прижала свои руки вокруг меня. – Значит, ты опять отыскал Кэдди. – Сказала она. – Ты думал, Кэдди убежала. – Кэдди пахла, как деревья.

Мы пошли в комнату Кэдди. Она села рядом с зеркалом. Она остановила свои руки и смотрела на меня.

– Что ты, Бенджи. В чем дело. – Сказала она. – Ты не должен плакать. Кэдди не уйдет. Погляди-ка. – Она подняла бутылку, и вынула пробку, и поднесла к моему носу. – Приятно. Понюхай. Хорошо.

Я ушел, и я не стих, и она держала бутылку в руке, и смотрела на меня.

– А. – Сказала она. Она поставила бутылку, и пришла, и прижала свои руки вокруг меня. – Так вот в чем дело. И ты старался сказать Кэдди, только ты не умел ей сказать. Ты хотел, но ты не умел, правда. Конечно, Кэдди не будет. Конечно, Кэдди не будет. погоди минутку, дай мне одеться.

Кэдди оделась, и опять взяла бутылку, и мы пошли вниз в кухню.

– Дилси. – Сказала Кэдди. – У Бенджи есть для тебя подарок. – Она нагнулась вниз и положила бутылку в мою руку. – А теперь протяни ее Дилси. – Кэдди протянула мою руку, и Дилси взяла бутылку.

– Подумать только. – Сказала Дилси. – Мой малыш подарил Дилси бутылочку духов. Погляди-ка, Роскус.

Кэдди пахла, как деревья.

– А мы духов не любим. – Сказала Кэдди.

Она пахла, как деревья.

– Ну-ну. – Сказала Дилси. – Ты уже большой, и тебе пора спать одному. Ты теперь большой мальчик. Тебе тринадцать лет. Такой большой, что можешь спать один в комнате дядя Мори. – Сказала Дилси.

Дядя Мори был болен. Его глаз был болен, и его рот. Верш отнес ему ужин наверх на подносе.

– Мори говорит, что намерен застрелить этого негодяя. – Сказал папа. – Я рекомендовал ему не говорить об этом Паттерсону заранее. – Он выпил.

– Джейсон. – Сказала мама.

– Кого застрелить, отец. – Сказал Квентин. – За что дядя Мори хочет его застрелить.

– За то, что он рассердился на невинную шутку. – Сказал папа.

– Джейсон. – Сказала мама. – Как ты можешь. Если бы на твоих глазах Мори застрелили из засады, ты бы только посмеялся.

– В таком случае Мори лучше не попадать в засаду. – Сказал папа.

– Кого застрелить, отец. – Сказал Квентин. – Кого дядя Мори намерен застрелить.

– Никого. – Сказал папа. – У меня ведь нет пистолетов.

Мама начала плакать.

– Если ты считаешь, что Мори тебя объедает, так почему ты не можешь, как мужчина, сказать ему это в лицо. Высмеивать его перед детьми у него за спиной.

– Ни в коем случае. – Сказал папа. – Я восхищаюсь Мори. Он необходим мне для сохранения моего чувства расового превосходства. Я бы не променял Мори на самую породистую пару. И знаешь почему, Квентин.

– Нет, сэр. – Сказал Квентин.

– Et ego in Arcadia³. Не помню, как по-латыни сено. – Сказал папа. – Ну-ну. – Сказал он. – Я только шутил. – Он выпил, и поставил рюмку, и пошел, и положил руку на плечо мамы.

– Так не шутят. – Сказала мама. – По происхождению мои родные ничем не уступают твоим. Только потому, что у Мори плохое здоровье.

– Разумеется. – Сказал отец. – Плохое здоровье есть первопричина всякой жизни. Сотворенные болезнью, через гниение, в разложение, Верш.

– Сэр. – Сказал Верш позади моего стула.

– Возьми графин и наполни его.

³ И я в Аркадии (лат.).

– И скажи, чтобы Дилси увела Бенджамина наверх спать. – Сказала мама.

– Ты большой мальчик. – Сказала Дилси. – Кэдди устала спать с тобой. Ну-ка, тише, и спи. – Комната ушла, но я не стих, и комната пришла назад, и Дилси пришла, и села на кровати, глядя на меня.

– Тише, будь хорошим мальчиком и замолчи. – Сказала Дилси. – Не хочешь, а. Так погоди минутку.

Она ушла. В двери ничего не было. Потом в ней была Кэдди.

– Тише. – Сказала Кэдди. – Я иду.

Я стих, и Дилси отогнула покрывало, и Кэдди легла между покрывалом и одеялом. Она не сняла купального халата.

– Ну. – Сказала она. – Вот я. – Дилси пришла с одеялом, и расстелила его на ней, и подоткнула его вокруг нее.

– Он уснет через минутку. – Сказала Дилси. – Я не буду гасить лампы у тебя в комнате.

– Хорошо. – Сказала Кэдди. Она положила свою голову на подушке рядом с моей. – Спокойной ночи, Дилси.

– Спокойной ночи, деточка. – Сказала Дилси. Комната стала черная. *Кэдди пахла, как деревья.*

Мы смотрели вверх на дерево, где она была.

– Что она видит, Верш. – Прошептала Фроуни.

– Ш-ш-ш-ш. – Сказала Кэдди в дереве. Дилси сказала:

– А ну-ка, идите сюда. – Она вышла из-за угла дома. – Почему это вы не пошли наверх, как сказал ваш папаша, а убежали сюда, пока я не видела. Где Кэдди и Квентин.

– Я ей говорил, чтоб она не лезла на это дерево. – Сказал Джейсон. – Я про нее все расскажу.

– Кто на какое дерево. – Сказала Дилси. Она подошла и посмотрела вверх на дерево. – Кэдди. – Сказала Дилси. Ветки начали опять трястись.

– Ах ты, сатана. – Сказала Дилси. – Слезай-ка оттуда.

– Тише. – Сказала Кэдди. – Разве ты не знаешь, что папа велел не шуметь. – Ее ноги стали видны, и Дилси потянулась вверх и вытащила ее из дерева.

– Как это тебе взбрело в голову пустить их сюда. – Сказала Дилси.

– А она ничего не слушала. – Сказал Верш.

– А вы что здесь делаете. – Сказала Дилси. – Кто вам сказал, чтобы вы сюда шли.

– Она. – Сказала Фроуни. – Она сказала, чтобы мы шли.

– А кто вам сказал, чтобы вы делали то, что она говорит. – Сказала Дилси. – А ну, домой. – Фроуни и Т.П. стали уходить. Мы перестали их видеть, когда они еще уходили.

– Ночь на дворе, а вы разгуливаете. – Сказала Дилси. Она подняла меня вверх, и мы пошли к кухне.

– Убежали у меня за спиной. – Сказала Дилси. – А ведь знаете, что вам давно пора спать.

– Ш-ш-ш-ш, Дилси. – Сказала Кэдди. – Не говори так громко. Мы не должны шуметь.

– Ну, так замолчи и не шуми, – Сказала Дилси. – Где Квентин.

– Квентин злится, потому что он должен слушаться меня сегодня вечером. – Сказала Кэдди. – А у него бутылка Т.П. со светляками.

– Ничего, Т.П. без нее обойдется. – Сказала Дилси. – Пойди найди Квентина, Верш. Роскус говорит, что видел, как он шел к сараю. – Верш пошел. Мы перестали его видеть.

– Они там ничего не делают. – Сказала Кэдди. – Просто сидят на стульях и смотрят.

– И уж как-нибудь без вас обойдутся. – Сказала Дилси. Мы пошли вокруг кухни.

Куда тебя теперь несет, сказал Ластер. Идешь опять смотреть, как они гоняют мячик. Мы ж его там уже искали. Стой. Погоди минутку. Жди тут и ни с места, пока я не схожу за мячиком. Я придумал одну штуку.

Кухня была темная. Деревья на небе были черные. Дэн вперевалку вышел из-под ступенек и стал жевать мою лодыжку. Я пошел вокруг кухни, где была луна. Дэн тоже пошел в луну, волоча ноги.

– Бенджи. – Сказал Т.П. в доме.

Цветочное дерево у окна гостиной не было темное, а густые деревья были. Трава жужжала в лунном свете, где моя тень шагала по траве.

– Бенджи, кому я говорю. – Сказал Т.П. в доме. – Где ты прячешься. Ты убежал. Я знаю.

Ластер вернулся. Подожди, сказал он. Здесь. Не ходи туда. Мисс Квентин и ее дружок вон там на качелях. Иди-ка сюда. Вернись, Бенджи.

Под деревьями было темно. Дэн не хотел идти. Он остался в лунном свете. Потом стали видны качели, и я начал плакать.

Уйди-ка отсюда, Бенджи, сказал Ластер. Ты же знаешь, что мисс Квентин разозлится.

На качелях было два, а потом один. Кэдди пришла быстро, белая в темноте.

– Бенджи. – Сказала она. – Как же ты убежал. Где Верш.

Она прижала свои руки вокруг меня, и я стих, и держался за ее платье, и тянул ее.

– Что ты, Бенджи. – Сказала она. – В чем дело. Т.П. – Позвала она.

Один на качелях встал и подошел, и я плакал, и тянул платье Кэдди.

– Бенджи. – Сказала Кэдди. – Это же Чарли. Разве ты не знаешь Чарли.

– Где его негр. – Сказал Чарли. – Чего это ему позволяют бегать без присмотра.

– Тише, Бенджи. – Сказала Кэдди. – Уйди, Чарли. Ты ему не нравишься. – Чарли ушел, и я стих. Я тянул платье Кэдди.

– Что ты, Бенджи. – Сказала Кэдди. – Разве ты не позволишь мне остаться тут и немножко поговорить с Чарли.

– Позови этого негра. – Сказал Чарли. Он пришел назад. Я заплакал громче и тянул платье Кэдди.

– Уйди, Чарли. – Сказала Кэдди. Чарли пришел и положил свои руки на Кэдди, и я плакал. Я плакал громко.

– Нет, нет. – Сказала Кэдди. – Нет. Нет.

– Он же не умеет говорить. – Сказал Чарли. – Кэдди.

– Ты с ума сошел. – Сказала Кэдди. Она начала дышать быстро. – Видеть он умеет. Не надо. Не надо. – Кэдди дралась. Они оба дышали быстро. – Ради Бога. Ради Бога. – Прошептала Кэдди.

– Прогони его. – Сказал Чарли.

– Ладно. – Сказала Кэдди. – Пусти.

– Ты его прогонишь. – Сказал Чарли.

– Да. – Сказала Кэдди. – Пусти. – Чарли ушел. – Тише. – Сказала Кэдди. – Он ушел. – Я стих. Я слышал и чувствовал, как ходит ее грудь.

– Мне придется отвести его в дом. – Сказала она. Она взяла мою руку. – Я иду. – Прошептала она.

– погоди. – Сказал Чарли. – Позови негра.

– Нет. – Сказала Кэдди. – Я вернусь. Идем, Бенджи.

– Кэдди. – Прошептал Чарли. Громко. Мы шли дальше. – Лучше вернись. Ты вернешься. – Кэдди и я бежали. – Кэдди. – Сказал Чарли. Мы бежали в лунный свет, в сторону кухни.

– Кэдди. – Сказал Чарли.

Кэдди и я бежали. Мы бежали вверх по кухонным ступенькам на крыльцо, и Кэдди стала в темноте на колени и держала меня. Я слышал ее и чувствовал ее грудь.

– Я не буду. – Сказала она. – Я больше не буду. Никогда. Бенджи. Бенджи. – Потом она плакала, и я плакал, и мы держали друг друга. – Тише. – Сказала она. – Тише. Я больше не

буду. – И тогда я стих, и Кэдди встала, и мы пошли в кухню, и зажгли свет, и Кэдди взяла кухонное мыло, и терла свой рот над раковиной. Очень сильно. Кэдди пахла, как деревья.

Я ж тебе говорил, не лезь туда, сказал Ластер. Они сели вверх на качелях. Быстро. Квентин положила свои руки на волосы. У него был красный галстук.

Псих ты полоумный, сказала Квентин. Я расскажу Дилси, что он всюду за мной шляется, а ты позволяешь. Она тебя выдерет как следует, я уж позабочусь.

– Я не мог его остановить. – Сказал Ластер. – Иди сюда, Бенджи.

– Нет, мог. – Сказала Квентин. – Ты и не пробовал. Вы оба меня выслеживаете. Это что, бабушка вас послала шпионить за мной. – Она выпрыгнула из качелей. – Уведи его сию же минуту и больше не пускай сюда, не то Джейсон тебя выдерет, уж я позабочусь.

– Я с ним не могу справиться. – Сказал Ластер. – Сами попробуйте, если вы такая ловкая.

– Заткнись. – Сказала Квентин. – Уведешь ты его или нет.

– А, пусть его остается. – Сказал он. У него был красный галстук. Солнце на галстuke было красное. – Посмотри-ка, Джек. – Он зажег спичку и положил ее в свой рот. Потом он вынул спичку из своего рта. Она еще горела. – Хочешь попробовать. – Сказал он. – Я подошел туда. – Открой рот. – Сказал он. Я открыл мой рот. Квентин ударила спичку своей рукой, и она ушла.

– Черт тебя подери. – Сказала Квентин. – Ты что, хочешь, чтобы он начал. Ты что, не знаешь, что он будет реветь весь день. Вот я расскажу Дилси. – Она ушла бегом.

– Эй, детка. – Сказал он. – Э-эй. Вернись. Я не буду его дразнить.

Квентин бежала дальше к дому. Она ушла за угол кухни.

– Ну, устроил ты историю. – Сказал он. – Так что ли, Джек.

– Он не понимает, что вы говорите. – Сказал Ластер. – Он же глухонемой.

– А. – Сказал он. – И давно.

– Сегодня как раз тридцать три года. – Сказал Ластер. – Родился дурачком. А вы что, из цирка.

– А что. – Сказал он.

– Вроде я вас тут раньше не видел. – Сказал Ластер.

– Ну, предположим. Так что. – Сказал он.

– Ничего. – Сказал Ластер. – Я пойду вечером.

Он смотрел на меня.

– А это, случайно, не вы на пиле песни играете. – Сказал Ластер.

– Чтобы это узнать, надо сначала заплатить двадцать пять центов. – Сказал он. Он смотрел на меня. – А почему его не запрут. – Сказал он. – Чего ты его сюда привел.

– А меня-то что спрашивать. – Сказал Ластер. – Разве ж с ним сладишь. Я сюда пришел поискать четвертак, который потерял. Без него я ж не смогу пойти вечером в цирк. И похоже, что не смогу. – Ластер смотрел на землю. – У вас, случаем, лишних двадцать пять центов не найдется. – Сказал Ластер.

– Нет. – Сказал он. – Не найдется.

– Ну, так значит, надо искать. – Сказал Ластер. Он положил свою руку в карман. – И гольфовый мячик тоже купить не хотите, а. – Сказал Ластер.

– Какой мячик. – Сказал он.

– Гольфовый. – Сказал Ластер. – Отдам всего за двадцать пять центов.

– Еще чего. – Сказал он. – На черта он мне сдался.

– Да я так и думал. – Сказал Ластер. – Иди сюда, ослиная башка. – Сказал он. – Иди сюда и смотри, как они гоняют мячик. Ну-ка, держи. Чтобы тебе не с одним дурманом играть. – Ластер поднял его и отдал мне. Оно было яркое.

– Откуда это у тебя. – Сказал он. Его галстук был красный на солнце и шагал.

– Нашел вон под тем кустом. – Сказал Ластер. – Мне сперва показалось, что это мой четвертак.

Он подошел и взял его.

– Тише. – Сказал Ластер. – Он отдаст, только посмотрит.

– Агнес Мейбл Бекки. – Сказал он. Он посмотрел в сторону дома.

– Тише. – Сказал Ластер. – Он сейчас отдаст.

Он отдал его мне, и я стих.

– Кто к ней приходил вчера вечером. – Сказал он.

– Не знаю. – Сказал Ластер. – Они приходят каждый вечер, а она вылезает из окна вон по тому дереву. Я за ними не слежу.

– Ну, один из них оставил след, черт подери. – Сказал он. Он посмотрел на дом. Потом он пошел и сел на качели.

– Проваливайте. – Сказал он. – Надоели.

– Иди сюда. – Сказал Ластер. – Устроил историю, и будет. Мисс Квентин небось уже все про тебя рассказала.

Мы подошли к забору и смотрели между цветочными плетениями. Ластер искал в траве.

– Тут он у меня еще был. – Сказал он. Я видел флаг, и он хлопал, и солнце косо падало на широкую траву.

– Они скоро подойдут. – Сказал Ластер. – Вон они там, только они уходят. Ну-ка, помоги мне искать.

Мы пошли вдоль забора.

– Тише. – Сказал Ластер. – Ну, как я их заставлю идти сюда, если они не идут. Погоди. Сейчас подойдут. Вон гляди. Идут.

Я пошел вдоль забора к калитке, где проходили девочки с ранцами.

– Бенджи, кому я говорю. – Сказал Ластер. – Ну-ка, вернись.

Нечего тебе смотреть за калитку, сказал Т.П. Мисс Кэдди уехала далеко отсюда. Вышла замуж и бросила тебя. Нечего тебе держаться за калитку и плакать. Она ж тебя не услышит.

Чего он хочет, Т.П., сказала мама. Неужели ты не можешь поиграть с ним, чтобы он вел себя тихо.

Он хочет пойти смотреть сквозь калитку, сказал Т.П.

Но этого нельзя, сказала мама. Идет дождь. Поиграй с ним, чтобы он вел себя тихо. Бенджамин, кому я говорю.

Нет уж, так его не утихомиришь, сказал Т.П. Он думает, раз он стоит у калитки, так мисс Кэдди вернется.

Глупости, сказала мама.

Я слышал, как они разговаривали. Я вышел за дверь, и я их больше не слышал, и я пошел к калитке, где проходили девочки с ранцами. Они смотрели на меня и шагали быстро, повернув головы. Я старался сказать, но они шли дальше, и я шел вдоль забора, и старался сказать, а они шли быстрее. Потом они бежали бегом, и я подошел к углу забора, и я не мог идти дальше, и я держался за забор, и глядел им вслед, и старался сказать.

– Бенджи, кому я говорю. – Сказал Т.П. – Чего это ты сбегашь тайком. Вот Дилси тебя выпорот.

– Нечего тебе выть и пускать слюни сквозь забор. – Сказал Т.П. – Только девочек напугал. Вон посмотри, они на ту сторону улицы перешли.

Как он вышел, сказал папа. Джейсон, а ты не оставил калитку открытой, когда пришел домой.

Конечно, не оставил, – сказал Джейсон. Что ж я, по-вашему, совсем ничего не соображаю. Вы что, думаете, я хотел, чтобы случилось вот такое. Наша семейка и без того

хороша. Я всегда знал, что так будет. Ну, теперь-то вы отошлете его в Джексон. Конечно, если миссис Бэргесс его прежде не пристрелит.

Тише, сказал папа.

Я всегда знал, что так будет, сказал Джейсон.

Она была открытая, когда я ее тронул, и я держался за нее в сумерках. Я не плакал, и я старался остановиться, и глядел, как девочки подходят в сумерках. Я не плакал.

– Вон он.

Они остановились.

– Он не может выйти. Да и все равно он никого не трогает. Идем.

– Я боюсь. Боюсь. Я перейду на ту сторону улицы.

– Он не может выйти.

Я не плакал.

– Ну, чего ты, трусиха. Идем.

Они подходили в сумерках. Я не плакал, и я держался за калитку. Они подходили медленно.

– Я боюсь.

– Он тебя не тронет. Я тут каждый день хожу. Он просто бежит вдоль забора, и все.

Они подходили. Я открыл калитку, и они остановились, и поворачивались. Я старался сказать, и я схватил ее, стараясь сказать, и она закричала, и я старался сказать, и старался, и яркие формы начали останавливаться, и я старался выбраться. Я старался снять его с моего лица, но яркие формы снова шли. Они шли вверх на холм, туда, где он падал, и я старался заплакать. Но когда я вдохнул внутрь, я не смог выдохнуть наружу, чтобы заплакать, и я старался не упасть с холма, и я упал с холма в яркие вертящиеся формы.

Эй, псих, сказал Ластер. Вон, идут. Ну, так перестань пускать слюни и выть.

Они подошли к флагу. Он вынул его, и они ударили, потом он поставил флаг назад.

– Мистер. – Сказал Ластер.

Он посмотрел кругом.

– Что. – Сказал он.

– Гольфового мячика не купите. – Сказал Ластер.

– Покажи-ка. – Сказал он. Он подошел к забору, и Ластер протянул мяч сквозь него.

– Где ты его взял. – Сказал он.

– Нашел. – Сказал Ластер.

– Это я знаю. – Сказал он. – Где. В чей-нибудь сумке.

– Я нашел его вон там во дворе. – Сказал Ластер. – Отдам за двадцать пять центов.

– А он что, твой, чтобы продавать. – Сказал он.

– Я его нашел. – Сказал Ластер.

– Так найди себе еще один. – Сказал он. Он положил его в свой карман и ушел.

– Мне же сегодня в цирк нужно. – Сказал Ластер.

– Вот именно. – Сказал он. Он пошел к площадке. – Ключку, кэди. – Сказал он. Он ударил.

– Это надо же. – Сказал Ластер. – Вопишь, когда не видишь их, и вопишь, когда видишь. Почему ты не заткнешься. Что, по-твоему, людям нравится тебя все время слышать. Э-эй. Ты уронил свой дурман. – Он поднял его и опять дал его мне. – Надо бы сорвать новый. Этот ты совсем измочалил. – Мы стояли у забора и глядели на них.

– С этим белым не сговоришься. – Сказал Ластер. – Ты сам видел, как он забрал мой мячик. – Они пошли дальше. Мы пошли вдоль забора. Мы пришли к саду и не могли идти дальше. Я держался за забор и смотрел сквозь цветочные плетения. Они ушли.

– Ты-то чего воешь. – Сказал Ластер. – Заткнись. Это мне нужно выть, а не тебе. На-ка. Чего ты не держишь цветочек. Теперь из-за него начнешь реветь. – Он дал мне цветок. – Ну, куда теперь тебя понесло.

Наши тени были на траве. Они дошли до деревьев раньше нас. Моя дошла первой. Потом мы дошли туда, а потом тени ушли. В бутылке был цветок. Я поставил в нее другой цветок.

– Ты же взрослый. – Сказал Ластер. – А играешь с двумя цветочками в бутылке. Ты знаешь, что с тобой сделают, когда мисс Каролина помрет. Тебя отправят в Джексон, где тебе самое место. Так говорит мистер Джейсон. Будешь там весь день напролет держаться за решетку вместе с другими психами и пускать слюни. Посмотрим, как тебе это понравится.

Ластер ударил цветы рукой, и они упали.

– Вот и тебе то же будет в Джексоне, когда ты заревешь.

Я старался поднять цветы. Ластер поднял их, и они ушли. Я начал плакать.

– Рев. – Сказал Ластер. – Рев. А, так тебе надо пореветь. Ну, ладно. Кэдди. – Шепнул он. – Кэдди. Рев. теперь. Кэдди.

– Ластер. – Сказала Дилси из кухни.

Цветы пришли назад.

– Тише. – Сказал Ластер. – Вот они. Смотри. Все, как было. Тише. Ну-ка.

– Ластер, кому я говорю. – Сказала Дилси.

– Да, мэм. – Сказал Ластер. – Сейчас идем. Ну, хватит поднимать шум. Вставай. – Он дернул мой локоть, и я встал. Мы вышли из деревьев. Наши тени ушли.

– Тише. – Сказал Ластер. – Вон сколько людей на тебя смотрят. Тише.

– Веди его сюда. – Сказала Дилси. Она пошла вниз по ступенькам.

– Что ты ему сделал. – Сказала она.

– Ничего я ему не делал. – Сказал Ластер. – Он взял да и заревел.

– Нет, сделал. – Сказала Дилси. – Что-то ты ему сделал. Где вы были.

– Там, под можжевельником. – Сказал Ластер.

– И Квентин ты довел. – Сказала Дилси. – Чего ты его к ней подпускаешь. Разве ты не знаешь, что она не любит, чтоб он был там, где она.

– Вот и я тоже. – Сказал Ластер. – Только мне-то он не дядя.

– Ты мне не груби, малый. – Сказала Дилси.

– Ничего я ему не делал. – Сказал Ластер. – Он играл там, а потом вдруг заревел.

– Ты небось его кладбище разломал. – Сказала Дилси.

– Не трогал я его кладбища. – Сказал Ластер.

– Ты мне не ври, малый. – Сказала Дилси. Мы пошли вверх по ступенькам в кухню. Дилси открыла огневую дверь, и пододвинула к ней стул, и я сел. Я стих.

И чего тебе понадобилось, чтоб она начинала, сказала Дилси. Чего ты его туда пустила.

Он же только смотрел на огонь, сказала Кэдди. Мама говорила ему его новое имя. Мы не думали, что она начнет.

Да знаю я, сказала Дилси. Он в одном конце дома, она в другом. Ну-ка, оставь все это в покое. Ничего не трогай, пока я не вернусь.

– И не стыдно тебе. – Сказала Дилси. – Чего ты его дразнишь. – Она поставила пирог на стол.

– Ничего я его не дразню. – Сказал Ластер. – Он играл бутылкой с ромашками, да вдруг как начал реветь. Ты сама его слышала.

– А ты, конечно, к его цветам и не прикоснулся. – Сказала Дилси.

– Не трогал я его кладбища. – Сказал Ластер. – Очень мне нужен его мусор. Я просто искал мой четвертак.

– Так ты его потерял, значит. – Сказала Дилси. Она зажгла свечи на пироге. Одни были маленькие. Другие были большие, нарезанные на кусочки. – Я ж тебе говорила: спрячь хорошенько. А теперь ты небось хочешь, чтоб я взяла у Фроуни еще двадцать пять центов.

– Нет уж, я в цирк пойду, Бенджи там или не Бенджи. – Сказал Ластер. – Не буду я таскаться за ним еще ночью.

– Ты будешь делать то, чего он хочет, малый. – Сказала Дилси. – Слышишь.

– Что я, всегда, что ли, этого не делаю. – Сказал Ластер. – Разве ж я не всегда делаю, чего он хочет. А, Бенджи.

– Ну, и делай. – Сказала Дилси. – Привел его сюда, когда он орет, чтобы и она начала. Ну-ка, садитесь и ешьте пирог, пока Джейсон не пришел. Я не желаю, чтобы он на меня накидывался за пирог, который я на собственные деньги купила. Чтоб я пекла пироги тут, когда он на кухне каждое яйцо пересчитывает. Ну, смотри, не трогай его сейчас, или, может, ты не хочешь идти вечером в этот твой цирк.

Дилси ушла.

– Ты свечи задувать не умеешь. – Сказал Ластер. – Смотри, как я буду задувать. – Он нагнулся вниз и надул свое лицо. Свечи ушли. Я начал плакать. – Тише. – Сказал Ластер. – Ну-ка. Смотри сюда на огонь, а я пирог нарежу.

Я слышал часы, и я слышал Кэдди, как она стоит позади меня, и я слышал крышу. Дождь еще идет, сказала Кэдди. Ненавижу дождь. Все ненавижу. И потом ее лицо пришло на мои колени, и она плакала, и держала меня, и я начал плакать. Потом я опять смотрел на огонь, и яркие, гладкие формы опять шли. Я слышал часы, и крышу, и Кэдди.

Я съел пирога. Пришла рука Ластера и взяла другой кусок. Я слышал, как он ест. Я смотрел на огонь.

Длинная железка прошла через мое плечо. Она пошла к огневой двери, и тогда огонь ушел. Я начал плакать.

– Ну, чего ты вопишь. – Сказал Ластер. – Смотри туда. – Огонь был там. Я стих. – Ты что, не можешь глядеть на огонь и не шуметь, как мэмми тебе велела. – Сказал Ластер. – И не стыдно тебе. Вот. Вот тебе еще пирога.

– Что ты ему теперь сделал. – Сказала Дилси. – Ты что, не можешь его оставить в покое.

– Я ж только старался, чтоб он замолчал и не тревожил мисс Каролину. – Сказал Ластер. – А он чего-то снова начал.

– Я-то знаю, как кличут это чего. – Сказала Дилси. – Дай только Верш домой вернется, я ему скажу, чтоб он тебя хорошенько проучил. Это все ты. Ты весь день только этим и занимался. К ручью ты его водил.

– Нет, мэм. – Сказал Ластер. – Мы весь день были во дворе, как ты велела.

Его рука пришла за другим куском пирога. Дилси ударила его руку.

– Только протяни еще раз, и я ее оттяпаю вот этим секачом. – Сказала Дилси. – Небось, он еще и кусочка не попробовал.

– А вот и нет. – Сказал Ластер. – Он съел вдвое больше моего. Спроси его, если не веришь.

– Только протяни еще раз. – Сказала Дилси. – Только протяни.

Вот так, сказала Дилси. Теперь, значит, мой черед плакать. Так вот и будем плакать вместе с Мори. Его теперь зовут Бенджи, сказала Кэдди.

Это еще почему, сказала Дилси. Он же свое крещеное имя до дырок пока не сносил, а.

Бенджамин это как в Библии Вениамин, сказала Кэдди. Ему это имя больше подходит, чем Мори.

Это еще почему, сказала Дилси.

Так мама говорит, сказала Кэдди.

Еще чего выдумают, сказала Дилси. Имя ему не поможет. И не повредит. Если имя менять, добра не будет. Вот мое имя было Дилси, как я родилась. И будет Дилси, когда уж и меня давно позабудут.

Откуда же будет известно, что оно Дилси, если его давно позабудут, Дилси, сказала Кэдди.

Оно будет в книге, деточка, сказала Дилси. Записано там.

А разве ты читать умеешь, сказала Кэдди.

Зачем, сказала Дилси. Мне прочтут. А я должна буду только сказать: я здесь.

Длинная железка прошла через мое плечо, и огонь ушел. Я начал плакать.

Дилси и Ластер дрались.

– Я все видела. – Сказала Дилси. – Нет уж, я все видела. – Она тащила Ластера из угла и трясла его. – Значит, он просто так, а. Вот погоди, вернется домой твой папаша. Будь я помоложе, я бы тебе уши с корнем повыдергала. Взять бы да и запереть тебя в погреб, и никаких тебе цирков. И запру.

– О-о, мэмми. – Сказал Ластер. – О-о, мэмми.

Я протянул руку туда, где раньше был огонь.

– Держи его. – Сказала Дилси. – Держи.

Моя рука дернулась назад, и я положил ее в мой рот, и Дилси меня схватила. Я все еще слышал часы между моим голосом. Дилси протянула руку назад и ударила Ластера по голове. Мой голос каждый раз выходил очень громкий.

– Давай скорей соду. – Сказала Дилси. Она взяла мою руку из моего рта. Мой голос вышел тогда громче, а моя рука старалась пойти назад в мой рот, но Дилси ее держала. Мой голос выходил громкий. Она сыпала соду на мою руку.

– Сбегай в кладовку и оторви полоску от тряпки там на гвозде. – Сказала она. – Ну, тише, тише. Ты же не хочешь, чтоб твоя мамаша опять расхворалась. Ну-ка, погляди на огонь. Дилси сейчас сделает так, чтобы рука у тебя перестала болеть. Погляди на огонь. – Она открыла огневую дверь. Я смотрел на огонь, но моя рука не переставала, и я не переставал. Моя рука старалась пойти в мой рот, но Дилси ее держала.

Она обернула вокруг нее тряпку. Мама сказала:

– Ну, что тут еще. Неужели мне и болеть спокойно нельзя. Неужели два взрослых негра ничего не могут сделать и я должна вставать с постели и спускаться к нему.

– Да ничего с ним не случилось. – Сказала Дилси. – Он сейчас замолчит. Обжег немножко руку, вот и все.

– Два взрослых негра, и вам нужно тащить его в дом, когда он вопит. – Сказала мама. – Вы нарочно стараетесь, чтобы он начал, потому что знаете, как я больна. – Она пошла и остановилась рядом со мной. – Тише. – Сказала она. – Сию же минуту замолчи. Ты что, давала ему этого пирога.

– Я сама его купила. – Сказала Дилси. – Из кладовки Джейсона на него и пригоршни муки не пошло. У него же сегодня день рождения.

– Ты что, хочешь отравить его дешевым пирогом из лавки. – Сказала мама. – Ты этого хочешь. Неужели у меня никогда не будет хоть минуты покоя.

– Идите-ка наверх и ложитесь. – Сказала Дилси. – Она сию минуту перестанет жечь, и он стихнет. Ну-ка, идемте.

– И оставить его тут, чтобы вы еще что-нибудь устроили. – Сказала мама. – Как я могу лечь, пока он тут вопит. Бенджамин. Замолчи сейчас же.

– Так некуда же его увести. – Сказала Дилси. – Это раньше у нас простор был. Ведь когда он плачет, его же во дворе не оставишь, чтоб все соседи смотрели.

– Я знаю, я знаю. – Сказала мама. – Это все моя вина. Скоро меня не станет, и тебе и Джейсону будет лучше. – Она начала плакать.

– Ну, тише, тише. – Сказала Дилси. – Не то опять сляжете. Идите-ка к себе наверх. Ластер уведет его в кабинет и поиграет с ним, пока я соберу ему ужин.

Дилси и мама ушли.

– Тише. – Сказал Ластер. – Тише ты. Хочешь, чтоб я тебе и другую руку опалил. Ничего у тебя не болит. А ну, тише.

– Возьми-ка. – Сказала Дилси. – И перестань плакать. – Она дала мне туфлю, и я стих. – Отведи его в кабинет. – Сказала она. – И если я его еще раз услышу, так я сама тебя выдеру.

Мы пошли в кабинет. Ластер зажег свет. Окна стали черные, и пришло высокое темное место на стене, и я пошел и потрогал его. Оно было как дверь, только оно не было дверь.

Огонь пришел позади меня, и я пошел к огню, и сел на пол, держа туфлю. Огонь пошел выше. Он пошел в подушку на мамином кресле.

– Тише ты. – Сказал Ластер. – Можешь ты хоть минуту помолчать. Вот я для тебя огонь развел, а ты даже и не смотришь.

Твое имя теперь Бенджи, сказала Кэдди. Слышишь. Бенджи. Бенджи.

Не говори ему этого, сказала мама. Приведи его сюда.

Кэдди подняла меня под плечами.

Встань, Мо... то есть Бенджи, сказала она.

Только не вздумай его нести, сказала мама. Неужели ты не можешь привести его сюда. Или ты и этого сообразить не способна.

Я могу его донести, – сказала Кэдди. – Дай я его понесу, Дилси.

– Ах ты кроха. – Сказала Дилси. – Ты ж такая маленькая, что и блохи не подымеешь. Иди-ка и не шуми, как велел мистер Джейсон.

Наверху ступенек был свет. Там был папа в рубашке. Он так смотрел, что это было Тише. Кэдди прошептала:

– Что, мама заболела.

Верш поставил меня вниз, и мы пошли в мамину комнату. Там был огонь. Он поднимался и падал на стенах. Там был другой огонь в зеркале. Я чувствовал болезнь. Она была полотенце, сложенное на маминой голове. Ее волосы были на подушке. Огонь до них не доставал, но он светил на ее руке, где прыгали ее кольца.

– Подойди и скажи маме спокойной ночи. – Сказала Кэдди. Мы подошли к кровати. Огонь ушел из зеркала. Папа встал с кровати, и поднял меня вверх, и мама положила руку на мою голову.

– Который час. – Сказала мама. Ее глаза были закрыты.

– Без десяти семь. – Сказал папа.

– Ему еще рано ложиться. – Сказала мама. – Он проснется на рассвете, а еще одного такого дня, как нынешний, я просто не вынесу.

– Ну, ну. – Сказал папа. Он потрогал мамино лицо.

– Я знаю, что я для тебя только обуза. – Сказала мама. – Но меня скоро не станет. Тогда я уже не буду тебе докучать.

– Тише. – Сказал папа. – Я пока отведу его вниз. – Он поднял меня вверх. – Пойдем, старина. Давай-ка спустимся пока вниз. Нам придется не шуметь, потому что Квентин занимается.

Кэдди пошла, и наклонила свое лицо над кроватью, и мамина рука пришла в свет огня. Ее кольца прыгали на спине Кэдди.

Мама больна, сказал, папа. Дилси вас уложит. Где Квентин.

Верш пошел за ним, сказала Дилси.

Папа стоял и глядел, как мы идем мимо. Мы слышали маму в ее комнате. Кэдди сказала «тише». Джейсон все еще лез по ступенькам. Его руки были в карманах.

– Вы все сегодня должны быть умниками. – Сказал папа. – И не шумите, чтобы не потревожить маму.

– Мы не будем шуметь. – Сказала Кэдди. – Смотри не шуми, Джейсон. – Сказала она. Мы шли на цыпочках.

Мы слышали крышу. Я видел огонь в зеркале тоже. Кэдди опять подняла меня.

– Ну, идем же. – Сказала она. – А потом вернешься к огню. Тише.

– Кэндейс. – Сказала мама.

– Тише, Бенджи. – Сказала Кэдди. – Мама зовет тебя на минутку. Будь умником. А потом ты вернешься, Бенджи.

Кэдди опустила меня вниз, и я стих.

– Мама, позволь ему остаться тут. Он насмотрится на огонь, а тогда ты ему и скажешь.

– Кэндейс. – Сказала мама. Кэдди нагнулась и подняла меня. Мы шатались. – Кэндейс. – Сказала мама.

– Тише. – Сказала Кэдди. – Ты же его и отсюда видишь. Тише.

– Подведи его сюда. – Сказала мама. – Он уже большой, и тебе нельзя носить его на руках. И не смей больше. Ты повредишь себе спину. Все женщины в нашей семье гордились своей осанкой. Может быть, ты хочешь быть похожей на прачку.

– Он совсем не тяжелый. – Сказала Кэдди. – Мне не трудно его носить.

– Ну, так я не желаю, чтобы его носили. – Сказала мама. – Пятилетнего ребенка. Нет, нет. Не ко мне на колени. Пусть постоит.

– Если ты его возьмешь, он перестанет. – Сказала Кэдди. – Тише. – Сказала она. – Ты можешь сейчас же вернуться. Вот. Вот твоя подушка. Видишь.

– Кэндейс, не смей. – Сказала мама.

– Позволь ему на нее посмотреть, и он замолчит. – Сказала Кэдди. – Приподнимись, я сейчас ее вытащу. Вот, Бенджи. Смотри.

Я смотрел на нее и стих.

– Вы чересчур ему потакаете. – Сказала мама. – Ты и твой отец. Вы не понимаете, что расплачиваться за это приходится мне. Буленька вот так же избаловала Джейсона, и он отвыкал два года, а я не настолько сильна, чтобы еще раз пережить то же самое с Бенджамин.

– Но зачем тебе беспокоиться из-за него. – Сказала Кэдди. – Я люблю о нем заботиться. Правда ведь, Бенджи.

– Кэндейс. – Сказала мама. – Я уже говорила тебе, чтобы ты не называла его так. Как будто мало того, что твой отец придумал тебе это нелепое уменьшительное имя. Я не потерплю, чтобы и его называли какой-то кличкой. Уменьшительные имена вульгарны. Ими пользуются только простолюдины. Бенджамин. – Сказала она.

– Посмотри на меня. – Сказала мама.

– Бенджамин. – Сказала она. Она взяла мое лицо в свои руки и повернула его к своему лицу.

– Бенджамин. – Сказала она. – Убери эту подушку, Кэндейс.

– Он заплачет. – Сказала Кэдди.

– Убери эту подушку, кому я говорю. – Сказала мама. – Он должен научиться послушанию.

Подушка ушла.

– Тише, Бенджи. – Сказала Кэдди.

– Пойди туда и сядь. – Сказала мама. – Бенджамин. – Она держала мое лицо рядом со своим.

– Прекрати это. – Сказала она. – Прекрати.

Но я не прекратил, и мама схватила меня в свои руки, и начала плакать, и я плакал. Потом подушка пришла назад, и Кэдди держала ее над головой мамы. Она потянула маму назад на кресло, и мама плакала, лежа на красной и желтой подушке.

– Тише, мама. – Сказала Кэдди. – Пойди наверх, ляг и более спокойно. Я схожу за Дилси. – Она повела меня к огню, и я смотрел на яркие гладкие формы. Я слышал огонь и крышу.

Папа поднял меня вверх. Он пах как дождь.

– Ну, Бенджи. – Сказал он. – Был ты сегодня умником.

Кэдди и Джейсон дрались в зеркале.

– Кэдди, кому я говорю. – Сказал папа.

Они дрались. Джейсон начал плакать.

– Кэдди. – Сказал папа. Джейсон плакал. Он больше не дрался, но мы видели, что Кэдди дерется в зеркале, и папа опустил меня вниз, и пошел в зеркало, и тоже дрался. Он поднял Кэдди вверх. Она дралась. Джейсон лежал на полу и плакал. В его руке были ножницы. Папа держал Кэдди.

– Он изрезал всех куколок Бенджи. – Сказала Кэдди. – Я распорю ему брюхо.

– Кэндейс. – Сказал папа.

– Распорю. – Сказала Кэдди. – Распорю. – Она дралась. Папа держал ее. Она пнула Джейсона ногой. Он укатился в угол и ушел из зеркала. Папа принес Кэдди к огню. Они все ушли из зеркала. Только огонь был в нем. Будто огонь был в двери.

– Прекрати. – Сказал папа. – Ты хочешь, чтобы маме у нее в комнате стало нехорошо.

Кэдди прекратила.

– Он изрезал всех куколок, которых сделал Мо... Бенджи и я. – Сказала Кэдди. – Просто из подлости.

– И вовсе нет. – Сказал Джейсон. Он сидел на полу и плакал. – Я не знал, что они его. Я думал, что это просто бумага, и все.

– Нет, ты не мог не знать. – Сказала Кэдди. – Ты нарочно.

– Тише. – Сказал папа. – Джейсон. – Сказал он.

– Я тебе завтра сделаю еще. – Сказала Кэдди. – Мы их сделаем много-много. А вот подушка, посмотри на нее.

Вошел Джейсон.

Сколько раз тебе повторять, чтоб ты замолчал, сказал Ластер.

Ну, что еще случилось, сказал Джейсон.

– Да ничего. – Сказал Ластер. – Он с утра орет.

– Так почему ты в таком случае не перестанешь к нему приставать. – Сказал Джейсон. – Если не можешь заставить его замолчать, так отведи его на кухню. Мы же не можем все запечатать у себя, как мать.

– Мэмми не велела пускать его на кухню, пока она готовит ужин. – Сказал Ластер.

– Ну, так играй с ним и смотри, чтобы он не расходился. – Сказал Джейсон. – Весь день работаешь как вол, а дома тебе устраивают сумасшедший дом. – Он развернул газету и читал ее.

Ты ведь можешь смотреть на огонь, и на зеркало, и еще на подушку, сказала Кэдди. Тебе не нужно ждать ужина, чтобы смотреть на подушку. Мы слышали крышу. И мы слышали, как Джейсон громко плачет за стеной.

Дилси сказала:

– Значит, ты пришел, Джейсон. Ты к нему не приставал, а.

– Нет, мэм. – Сказал Ластер.

– Где Квентин. – Сказала Дилси. – Ужин совсем готов.

– Не знаю, мэм. – Сказал Ластер. – Я ее не видел.

Дилси ушла.

- Квентин. – Сказала она в передней. – Квентин. Ужин готов.
Мы слышали крышу. Квентин тоже пах как дождь.
Что сделал Джейсон, сказал он.
Изрезал всех куколок Бенджи, сказала Кэдди.
Мама не велела называть его Бенджи, сказал Квентин. Он сел на коврик рядом с нами.
Хоть бы дождь перестал, сказал он. Ничем нельзя заняться.
Ты дрался, сказала Кэдди. Правда.
Немножко, сказал Квентин.
Все равно видно, сказала Кэдди. Папа сразу заметит.
Ну и пусть, сказал Квентин. Скорее бы дождь перестал.
Квентин сказала:
– Ведь Дилси сказала, что ужин готов.
– Да, мэм. – Сказал Ластер. Джейсон посмотрел на Квентин. Потом он опять читал газету.
Квентин вошла.
– Она говорит, он совсем готов. – Сказал Ластер. Квентин прыгнула в мамино кресло.
Ластер сказал:
– Мистер Джейсон.
– Что. – Сказал Джейсон.
– Дайте мне пару монет. – Сказал Ластер.
– Для чего. – Сказал Джейсон.
– Чтоб пойти вечером в цирк. – Сказал Ластер.
– Мне показалось, что Дилси собиралась взять для тебя двадцать пять центов у Фроуни. –
Сказал Джейсон.
– Она взяла. – Сказал Ластер. – Только я их потерял. Мы с Бенджи их весь день искали.
Вот спросите его.
– Ну, так у него и займи. – Сказал Джейсон. – Я свои деньги зарабатываю. – Он читал газету. Квентин смотрела на огонь. Огонь был на ее глазах и на ее рту. Ее рот был красный.
– Я старался не пускать его туда. – Сказал Ластер.
– Заткнись. – Сказала Квентин. Джейсон посмотрел на нее.
– Я ведь, кажется, говорил тебе, что я сделаю, если опять увижу тебя с этим циркачом. –
Сказал он. Квентин смотрела на огонь. – Ты слышала. – Сказал Джейсон.
– Слышала. – Сказала Квентин. – Что ж ты этого не делаешь.
– Не беспокойся. – Сказал Джейсон.
– Я и не беспокоюсь. – Сказала Квентин. Джейсон опять читал газету.
Я слышал крышу. Папа наклонился вперед и посмотрел.
Ого, Квентин, сказал он. Кто победил.
– Никто. – Сказал Квентин. – Нас розняли. Учителя.
– А с кем. – Сказал папа. – Ну-ка, скажи.
– Все было как полагается. – Сказал Квентин. – Он с меня ростом.
– Прекрасно. – Сказал папа. – А можешь ты сказать, в чем было дело.
– Да ни в чем. – Сказал Квентин. – Он сказал, что положит ей в стол лягушку, а она не посмеет его выдрать.
– А. – Сказал папа. – Она. И что потом.
– Да, сэр. – Сказал Квентин. – А потом я его стукнул.
Мы слышали крышу, и огонь, и сопение снаружи двери.
– Где же он собирался достать лягушку в ноябре. – Сказал папа.
– Не знаю, сэр. – Сказал Квентин.
Мы слышали их.
– Джейсон. – Сказал папа. Мы слышали Джейсона.

– Джейсон. – Сказал папа. – Иди сюда и прекрати это.

Мы слышали крышу, и огонь, и Джейсона.

– Прекрати немедленно. – Сказал папа. – Или ты хочешь, чтобы я снова тебя высек. – Папа поднял Джейсона вверх на стул рядом с собой. Джейсон сопел. Мы слышали огонь и крышу. Джейсон сопел громче.

– Еще раз. – Сказал папа. Мы слышали огонь и крышу.

Дилси сказала: Ну, ладно. Идите-ка ужинать.

Верш пах как дождь. И он пах как собака. Мы слышали огонь и крышу.

Мы слышали Кэдди, она шла быстро. Папа и мама посмотрели на дверь. Кэдди прошла сквозь нее, она шла быстро. Она не смотрела. Она шла быстро.

– Кэндейс. – Сказала мама.

Кэдди перестала идти.

– Да, мама. – Сказала она.

– Тише, Каролина. – Сказал папа.

– Подойди ко мне. – Сказала мама.

– Тише, Каролина. – Сказал папа. – Оставь ее в покое.

Кэдди пошла к двери, и стояла там, и смотрела на папу и маму. Ее глаза прилетели ко мне и улетели. Я начал плакать. Мой голос был громкий, и я встал. Кэдди вошла, и стояла спиной к стене, и смотрела на меня. Я пошел к ней, и плакал, а она прижалась к стене, и я увидел ее глаза, и я плакал громче и тянул ее платье. Она подняла руки, но я тянул ее платье. Ее глаза бежали.

Верш сказал: Теперь тебя звать Бенджамин. А знаешь, почему теперь тебя звать Бенджамин. Они делают из тебя синегубого оборотня. Мама говорит, что в старину твой дедушка сменил имя у одного негра, и он стал проповедником, а как поглядели, губы у него синие. А раньше он синегубым не был. И как в полную луну женищина на сносках посмотрит ему в глаза, так дитя родится синегубым. И вот раз вечером, когда там уже с десяток синегубых детей бегало, он домой и не вернулся. Охотники на опоссумов нашли его в лесу обглоданного дочиста. И знаешь, кто его обглодал. Эти самые синегубые дети.

Мы были в передней. Кэдди все еще смотрела на меня. Ее рука была на ее рту, и я видел ее глаза, и я плакал. Мы пошли вверх по ступенькам. Она опять остановилась у стены, и смотрела на меня, и я плакал, и она пошла дальше, и я пошел, и плакал, и она прижалась к стене, и смотрела на меня. Она открыла дверь своей комнаты, но я потянул ее платье, и мы пошли в ванную, и она встала у двери, и смотрела на меня. Потом она положила локоть поперек своего лица, и я толкал ее и плакал.

Что ты с ним делаешь, сказал Джейсон. Почему ты не можешь оставить его в покое.

Я его не трогаю, сказал Ластер. Он весь день так. Его нужно выдрать.

Его нужно отправить в Джексон, сказала Квентин. Как можно жить в таком доме.

Если вам не нравится, барышня, так можете отправляться на все четыре стороны, сказал Джейсон.

И отправлюсь, сказала Квентин. Не беспокойся.

Верш сказал:

– Ну-ка, подвинься, дай мне обсушить ноги. – Он меня немножко подвинул. – И смотри не реви. Вон же она видна и отсюда. Так чего тебе еще нужно. Тебе-то на дождь выходить не обязательно, не то что мне. Ты счастливчиком уродился, только откуда тебе это знать. – Он лежал на спине перед огнем.

– А ты знаешь, почему тебя теперь звать Бенджамин. – Сказал Верш. – Твою мамашу гордость заела. Так мэмми говорит.

– Сиди смирно, дай мне обсушить ноги. – Сказал Верш. – Не то знаешь, что я сделаю. Спусти тебе шкуру с задницы.

Мы слышали огонь, и крышу, и Верша.

Верш быстро встал и дернул свои ноги назад. Папа сказал:

– Ничего, Верш.

– Ужином его я покормлю. – Сказала Кэдди. – Когда его кормит Верш, он иногда плачет.

– Отнеси поднос наверх. – Сказала Дилси. – И иди скорее кормить Бенджи.

– Разве ты не хочешь, чтобы Кэдди тебя покормила. – Сказала Кэдди.

Ему что, обязательно надо класть эту грязную туфлю на стол, сказала Квентин. Почему ты его не кормишь на кухне. Точно со свиньей ужинаешь.

Если тебе не нравится, как мы едим, так не выходи к столу, сказал Джейсон.

Пар шел от Роскуса. Он сидел перед плитой. Духовкина дверь была открыта, и Роскус держал в ней свои ноги. Пар шел от миски. Кэдди хорошо положила ложку в мой рот. Внутри миски было черное пятно.

Ну-ну, сказала Дилси. Он тебе больше мешать не будет.

Оно спустилось ниже метки. Потом миска была пустая. Она ушла.

– Он сегодня голоден. – Сказала Кэдди. Миска пришла назад. Я не видел пятна. Потом я его видел. – Он просто с голоду умирает. – Сказала Кэдди. – Посмотрите, сколько он съел.

Как же, сказала Квентин. Вы подсылаете его шпионить за мной. Я ненавижу этот дом. Я убегу.

Роскус сказал:

– Дождь на всю ночь зарядил.

Долго же ты бегала, если только обед пробежала, сказал Джейсон.

Вот увидишь, сказала Квентин.

– Уж не знаю, что и делать. – Сказала Дилси. – У меня в бок так вступило, что я шагу сделать не могу. Лазай тут весь вечер вверх-вниз по лестнице.

Ну, меня ты этим не удивишь, сказал Джейсон. Ты меня ничем не удивишь, что бы ты ни выкинула.

Квентин бросила салфетку на стол.

Замолчи-ка, Джейсон, сказала Дилси. Она пошла и прижала свою руку вокруг Квентин. Сядь, деточка, сказала Дилси. Стыда у него нет попрекать тебя, будто ты в этом виновата.

– Она что, опять надулась. – Сказал Роскус.

– Замолчи-ка. – Сказала Дилси.

Квентин оттолкнула Дилси. Она смотрела на Джейсона. Ее рот был красный. Она взяла свой стакан с водой, и отвела свою руку назад, глядя на Джейсона. Дилси схватила ее руку. Они дрались. Стакан разбился на столе, и вода бежала в стол. Квентин побежала.

– Мама опять больна. – Сказала Кэдди.

– Конечно, больна. – Сказала Дилси. – От такой погоды кто хочешь заболеет. Ну, когда же ты кончишь есть, малый.

Черт бы тебя побрал, сказала Квентин. Черт бы тебя побрал. Мы слышали, как она бежит по ступенькам. Мы пошли в кабинет.

Кэдди дала мне подушку, и я смотрел на подушку, и на зеркало, и на огонь.

– Мы не должны шуметь, потому что Квентин занимается. – Сказал папа. – Что ты делаешь, Джейсон.

– Ничего. – Сказал Джейсон.

– В таком случае, может быть, ты придеешь делать это сюда. – Сказал папа.

Джейсон вышел из угла.

– Что ты жуешь. – Сказал папа.

– Ничего. – Сказал Джейсон.

– Он опять жует бумагу. – Сказала Кэдди.

– Подойди сюда, Джейсон. – Сказал папа.

Джейсон плюнул в огонь. Она зашипела, развернулась, стала черная. Потом она была серая. Потом она ушла. Кэдди, и папа, и Джейсон были в мамином кресле. Глаза Джейсона были распухшие и закрытые, а его рот двигался, словно пробовал. Голова Кэдди была на плече папы. Ее волосы были как огонь, и маленькие точки огня были в ее глазах, и я пошел, и папа меня поднял в кресло, и Кэдди меня держала. Она пахла, как деревья.

Она пахла, как деревья. В углу было темно, но я видел окно. Я сидел на корточках и держал туфлю. Я не видел туфлю, но мои руки ее видели, и я слышал, как становится ночь, и мои руки видели туфлю, но себя я не видел, но мои руки видели туфлю, и я сидел там на корточках и слышал, как становится темно.

Вот ты где, сказал Ластер. Посмотри-ка, что у меня есть. Он показал его мне. Знаешь, где я его взял. Мне мисс Квентин дала. Я ж знал, что все равно пойду. А ты чего тут делаешь. Я уж думал, ты сбегал во двор. Тебе что, мало. Весь день был и пускал слюни, а теперь вот запрягся в пустую комнату и бормочешь тут. Идем-ка ложиться спать, чтобы я успел к началу. Сегодня я не могу с тобой всю ночь дурака валять. Как затрубят, только меня тут и видели.

Мы не пошли в нашу комнату.

– Мы тут болеем корью. – Сказала Кэдди. – Почему мы сегодня будем спать тут.

– А тебе не все равно, где спать. – Сказала Дилси. Она закрыла дверь, и села, и начала раздевать меня. Джейсон начал плакать. – Тише. – Сказала Дилси.

– Я хочу спать с Буленькой. – Сказал Джейсон.

– Она больна. – Сказала Кэдди. – Ты будешь с ней спать, когда она выздоровеет, правда, Дилси.

– Ну-ка, тише. – Сказала Дилси. Джейсон стих.

– А тут наши рубашки. – Сказала Кэдди. – Словно мы переехали.

– И побыстрее их надевайте. – Сказала Дилси. – Расстегни-ка Джейсона.

Кэдди расстегнула Джейсона. Он начал плакать.

– Ты хочешь, чтобы тебя выдрали. – Сказала Дилси. Джейсон стих.

Квентин, сказала мама в коридоре.

Что, сказала Квентин за стеной. Мы слышали, как мама заперла дверь. Она посмотрела в нашу дверь, и вошла, и нагнулась над кроватью, и поцеловала меня в лоб.

Когда ты его уложишь, пойди и спроси Дилси, может быть, ей не угодно дать мне грелку, сказала мама. Скажи ей, что в этом случае я попробую обойтись. Скажи ей, что я просто хотела бы знать.

Да, мэм, сказал Ластер. Ну, давай. Снимай штаны.

Квентин и Верш вошли. Лицо Квентина было повернуто.

– Чего ты плачешь. – Сказала Кэдди.

– Тише. – Сказала Дилси. – Ну-ка, раздевайтесь. А ты иди домой, Верш.

Я стал раздетый, и я смотрел на себя, и я начал плакать. Тише, сказал Ластер. Ищи их не ищи, толку не будет. Нету их. А если не кончишь, никаких дней рождений тебе не будет. Он надел мою рубашку. Я стих, и тогда Ластер перестал, а его голова была повернута к окну. Потом он пошел к окну и посмотрел наружу. Он вернулся и взял мой локоть. Вон она, сказал он. Ну-ка, не шуми. Мы пошли к окну и посмотрели наружу. Оно вышло из окна Квентин и полезло поперек в дерево. Мы глядели, как дерево трясется. Тряска пошла вниз по дереву, потом оно вышло, и мы смотрели, как оно ушло по траве. Потом мы перестали его видеть. Давай-ка, сказал Ластер. Ну, вот. Слышишь, трубы. Ложись в кровать, а то я с ногами не совладаю.

Было две кровати. Квентин лег на другую. Он повернул свое лицо к стене. Дилси положила Джейсона к нему. Кэдди сняла свое платье.

– Ну-ка, погляди на свои панталончики. – Сказала Дилси. – Скажи спасибо, что мамаша тебя не видела.

– А я про нее уже рассказал. – Сказал Джейсон.

– Чего от тебя и ждать. – Сказала Дилси.

– И что тебе за это было. – Сказала Кэдди. – Ябеда.

– А что мне за это было. – Сказал Джейсон.

– Почему ты не надеваешь рубашку. – Сказала Дилси. Она пошла и помогла Кэдди снять лифчик и панталончики. – Полюбуйся на себя. – Сказала Дилси. Она свернула панталончики и потеряла Кэдди сзади. – Ведь насквозь промокли. – Сказала она. – А купать тебя сегодня никто не будет. Ну, вот. – Она надела рубашку Кэдди на нее, и Кэдди залезла в кровать, и Дилси пошла к двери и положила руку на свет. – Ну, смотрите, не шумите. – Сказала она.

– Хорошо. – Сказала Кэдди. – Мама сегодня не придет. – Сказала она. – А потому мы будем слушаться меня.

– Да. – Сказала Дилси. – Ну-ка, спите.

– Мама больна. – Сказала Кэдди. – Они с Буленькой обе больны.

– Тише. – Сказала Дилси. – Спите скорее.

Комната стала черная, кроме двери. Потом дверь стала черная. Кэдди сказала:

– Тише, Мори. – И положила свою руку на меня, и я не стал растихать. Мы слышали нас. Мы слышали темноту.

Она ушла, и папа смотрел на нас. Он смотрел на Квентина и Джейсона, потом он пришел, и поцеловал Кэдди, и положил свою руку на мою голову.

– А мама очень больна. – Сказала Кэдди.

– Нет. – Сказал папа. – Ведь ты будешь хорошо заботиться о Мори.

– Да. – Сказала Кэдди.

Папа пошел к двери и опять посмотрел на нас. Потом опять пришла темнота. И он стоял черный в двери, а потом дверь опять стала черная. Кэдди держала меня, и я слышал нас всех, и темноту, и то, что я чувствовал. А потом я видел окна, где деревья жужжали. Потом темнота начала идти в гладкие яркие формы, как она всегда идет, даже когда Кэдди говорит, что я спал.

Второе июня 1910 года

На занавесках возникла тень оконной рамы, что означало семь часов утра, и я вновь уже был во времени и слышал, как тикают карманные часы. Они принадлежали деду, и когда отец отдал их мне, он сказал: Квентин, я дарю тебе гробницу всех надежд и желаний, и есть нечто прискорбно уместное в том, что ты используешь их для приобретения *reducto absurdum*⁴ всего человеческого опыта, который применим к твоим личным нуждам не больше, чем был применим к его нуждам или к нуждам его отца. Я дарю их тебе не для того, чтобы ты помнил о времени, но для того, чтобы ты иногда забывал о нем и не тщился победить его. Потому что, сказал он, ни одна битва никогда не выигрывается. Она даже не начинается. Поле брани только открывает человеку глаза на его собственное безумие и отчаяние, а победа – это самообман философов и глупцов.

Часы были прислонены к коробке из-под воротничков, и я лежал и слушал их. То есть не слушал, а слышал: вряд ли кто-нибудь сознательно слушает тиканье часов, карманных ли, или настенных. Зачем? Можно очень долго не слышать этого звука, а потом он за одно мгновение целиком воссоздаст в сознании всю длинную, исчезающую вдаль процессию времени, которое прошло неслышанным. Как сказал отец: можно увидеть, как по длинным раздельным солнечным лучам словно бы спускается Христос. И добрый святой Франциск, который говорил «сестра моя Смерть», у которого никогда не было сестры.

Я слышал, как за стеной заскрипели пружины кровати Шрива, и тут же его шлепанцы зашуршали по полу. Я встал, и подошел к комоду, и провел рукой по его верху, и нащупал часы, и положил их циферблатом вниз, и вернулся в постель. Но тень рамы лежала на занавесках, и я давно научился определять по ней время с точностью почти до минуты, а потому мне пришлось повернуться спиной, чувствуя, как чешутся глаза, которые некогда были у животных на затылке, бывшем тогда макушкой. Приобретаешь праздные привычки, чтобы потом жалеть. Это сказал отец. Что Христос не был распят: его уничтожило легкое пощелкивание крохотных колесиков. Что не было сестры.

И как только их уже нельзя было увидеть, я начал прикидывать, который час. Отец сказал: постоянные размышления о позиции механических стрелок на произвольно размеченном циферблате есть симптом функционирования сознания. Выделение, сказал отец, подобное поту. А я говорю: хорошо. Прикидывай. Прикидывай сколько хочешь.

Если бы было пасмурно, я мог бы смотреть на окно и думать о том, что он сказал о праздных привычках. Думать, что им в Нью-Лондоне было бы неплохо, если бы погода и дальше держалась такая. Почему бы и нет? Месяц юных новобрачных, глас, звучавший *Она выбежала из зеркала, из скопления аромата. Розы. Розы. Мистер и миссис Джейсон Ричмонд Компсон оповещают о бракосочетании их. Розы. Не девственницы, как кизил, молочай. Я сказал, я совершил кровосмешение, отец, сказал я. Розы. Хитрость и безмятежность. Если ты пробудешь в Гарварде год, но не увидишь лодочных гонок, деньги следовало бы вернуть. Пусть их получит Джейсон. Дайте Джейсону год в Гарварде.*

Шрив стоял на пороге, пристегивая воротничок, а его очки поблескивали розовато, словно он умыл их вместе с лицом.

– Прогуливаешь сегодня?

– А что, уже так поздно?

Он посмотрел на свои часы.

– Через две минуты зазвонят.

⁴ Сведенный к абсурду (лат.).

– Я не думал, что так поздно. (Он все еще глядел на часы, округляя рот.) Мне придется поспешить. Еще один прогул – и мое дело плохо. Декан предупредил меня на прошлой неделе... – Он сунул часы в карман. И я замолчал.

– Ну, так натягивай поскорее штаны и бегом, – сказал он. И вышел.

Я встал и начал ходить по комнате, прислушиваясь к нему за стеной. Он прошел через гостиную к двери.

– Ты еще не готов?

– Нет еще. Ты иди. Я успею.

Он вышел. Дверь закрылась. Его ноги прошагали по коридору. Тогда я снова услышал часы. Я перестал ходить, и подошел к окну, и отдернул занавески, и поглядел, как они бегут в церковь: одни и те же суют руки в одни и те же вскинутые рукава сюртуков, те же книги и хлюпающие воротнички проносятся мимо, как мусор в половодье, и Споуд. Назвал Шрива моим супругом. Отстань от него, сказал Шрив, если у него хватает ума не гоняться за грязными шлюшками, так кому какое. На Юге стыдятся быть девственными. Мальчики. Мужчины. Они лгут про это. Потому что для женщины это значит меньше, сказал отец. Он сказал, что девственность придумали мужчины, а не женщины. Отец сказал, что это как смерть: всего лишь состояние, в котором остаются другие, а я сказал: но верить, что это не важно, а он сказал: это-то и грустно, и не только девственность, а и все остальное, а я сказал: почему недевственной должна была стать она, а не я, а он сказал: потому-то грустно и это – ничто не стоит даже того, чтобы его изменить, а Шрив сказал: если у него хватает ума не гоняться за грязными шлюшками, а я сказал: у вас когда-нибудь была сестра? Была? Была?

Споуд между ними был как черепаха на улице среди вихрей сухих листьев: воротничок до ушей, идет обычной неторопливой походкой. Он из Южной Каролины, старшекурсник. Его клуб хвастает, что он ни разу не бежал в церковь и ни разу не пришел туда вовремя, ни разу за четыре года не пропустил ни службы, ни занятий, и ни разу не явился в церковь или на первую лекцию в рубашке на теле и в носках на ногах. Около десяти он зайдет к Томпсону, потребует две чашки кофе, сядет, достанет носки из кармана, снимет башмаки и будет надевать носки, пока кофе стынет. К полудню на нем уже будет рубашка и воротничок, как на всех. Его то и дело обгоняли, но он не ускорил шага. Через несколько минут двор опустел.

Воробей косо прорезал солнечный луч и на подоконнике наклонил голову, глядя на меня. Глаз у него был круглый и блестящий. Он смотрел на меня одним глазом, а потом – оп! – и уже другим, а горлышко у него пульсировало чаще самого частого пульса. Начали бить куранты. Воробей перестал сменять глаза и глядел на меня, не отрываясь, все одним и тем же, пока не раздался последний удар, точно и он слушал. Потом спорхнул с подоконника и исчез.

Последний удар стих не сразу. Он еще долго дрожал в воздухе, не столько слышимый, сколько ощутимый. Как все когда-либо звонившие колокола еще звонят длинными замирающими солнечными лучами, и Иисус, и святой Франциск, говорящий о своей сестре. Потому что если бы это было просто чтобы в ад, если бы это было только это, и все. Кончено. Если бы только все кончалось. И никого там, кроме нее и меня. Если бы только мы могли сделать что-то настолько ужасное, чтобы они бежали из ада, все, кроме нас. *Я совершил кровосмешение* сказал я отец это был я это не был Далтон Эймес. И когда он дал Далтон Эймес. Далтон Эймес. Далтон Эймес. Когда он дал мне пистолет, я не стал. Вот почему я не стал. Он был бы там, и она, и я. Далтон Эймес. Далтон Эймес. Далтон Эймес. Если бы только мы могли сделать что-то настолько ужасное, и отец сказал: это тоже грустно, люди не могут сделать что-то настолько ужасное, они вообще не могут сделать хоть что-то очень ужасное, они даже не могут вспомнить завтра, что казалось им ужасным сегодня, и я сказал: так можно отстраниться от чего угодно, а он сказал: но можно ли? А я погляжу вниз и увижу мои бормочущие кости и глубокую воду, как ветер, как кровля из ветра, и после долгого времени уже нельзя будет различить даже кости на пустынном и нетронutom песке. И в тот день, когда Он скажет: восстаньте, только

утюг всплывет из глубины. Но не когда ты понимаешь, что тебе ничто не может помочь – ни религия, ни гордость, ни что-нибудь другое, а когда ты понимаешь, что никакая помощь тебе не нужна. Далтон Эймес. Далтон Эймес. Далтон Эймес. Если бы я мог быть его матерью, когда она смеялась, приподняв разверстое тело, обнимая его отца, и моей рукой удерживать, видеть, наблюдать, как он умрет, еще не живши. *Мгновение она стояла в дверях.*

Я подошел к комоду и взял часы, по-прежнему циферблатом вниз. Я стукнул стекло о край комода, и подхватил осколки в ладонь, и ссыпал их в пепельницу, и сорвал стрелки, и положил туда же. Часы продолжали тикать. Я повернул их циферблатом вверх, пустым циферблатом, за которым пощелкивали и пощелкивали крохотные колесики, словно ничего не случилось. Иисус, идущий по морю Галилейскому, никогда не лгуший Вашингтон. Отец привез Джейсону со Всемирной выставки в Сент-Луисе часовой брелок – крохотный бинокль, в который можно было посмотреть одним глазом и увидеть небоскреб, паучок колеса обозрения, Ниагарский водопад на булавочной головке. На циферблате был красный мазок. Когда я его увидел, мой большой палец начал зудеть. Я положил часы, и пошел в спальню Шрива, и достал йод, и смазал порез. Остатки стекла я вычистил из ободка уголком полотенца.

Я вынул две смены белья, носки, рубашки, воротнички и галстуки и упаковал мой кофр. Я уложил все, кроме нового костюма, старого костюма, двух пар башмаков, двух шляп и моих книг. Я отнес книги в гостиную и положил стопкой на столе – те, которые я привез из дома, и остальные *отец говорил, что прежде джентльмена узнавали по его книгам, а теперь его узнают по тем, которые он не вернул*, и запер кофр, и написал на нем адрес. Куранты отбили четверть. Я стоял и слушал, пока звон не затих.

Я принял ванну и побрился. От воды палец опять начал зудеть, и я еще раз смазал его йодом. Я надел новый костюм, и опустил часы в жилетный кармашек, и положил второй костюм и все прочее, и бритву, и щетки в мой саквояж, и завернул ключ от кофра в бумагу, и положил в конверт, и адресовал его отцу, и написал две записки, и запечатал их.

Тень еще не совсем ушла со ступенек. Я остановился в дверях и следил, как движется тень. Она двигалась почти зримо, прокрадывалась внутрь двери, оттесняла мою тень назад в дверь. *Только она уже бежала, когда я услышал его. В зеркале она бежала до того, как я понял, что случилось. Так быстро, забросив шлейф на локоть, она выбежала из зеркала, как облако, ее фата свивалась длинными проблесками, ее каблучки стучали быстро и хрупко, и сжимая платье на плече другой рукой, она выбежала из зеркала и пахли розы розы глас, звучавший над Эдемом. И сразу она была уже за крыльцом, и я не слышал больше ее каблучков в лунном свете, как облако парящая тень фаты, бегущая по траве в рев. Т.П. в росе ого-го-го сассапарилловая водичка и Бенджи ревуший под ящичком. У отца на бегущей груди серебряная двумя крылами кираса.*

Шрив сказал:

– Так ты не... Что это, свадьба или поминки?

– Я не успел, – сказал я.

– Еще бы! Ты бы больше прихорашивался. В чем дело? Что, по-твоему, нынче воскресенье?

– Ну, может, полиция посмотрит сквозь пальцы, что я в кои-то веки надел новый костюм, – сказал я.

– Я имел в виду студентов. Ты так возгордился, что и на лекции не пойдешь?

– Сперва поем.

Тень ушла со ступенек. Я вышел на солнечный свет и снова нашел свою тень. Я спуускался по ступенькам чуть-чуть впереди нее. Пробило половину. Потом звон оборвался и замер.

Диакона не было и на почте. Я наклеил марки на два конверта, один отправил отцу, а письмо Шриву положил во внутренний карман и тут вспомнил, где я в последний раз видел Диакона. В День памяти погибших, в мундире Великой армии республики в рядах процессии.

Если терпеливо подождать на углу, то непременно его увидишь, какая бы процессия ни проходила мимо. В предыдущий раз она была устроена в ознаменование дня рождения Колумба, или Гарибальди, или еще кого-то. Он шел в колонне мусорщиков, в цилиндре, высоко держа двухдюймовый итальянский флажок, куря сигару среди метел и совков. Но в последний раз это, несомненно, была В.А.Р., потому что Шрив сказал:

– Ну вот. Только посмотри, что твой дед сделал с этим несчастным негром.

– Да, – сказал я. – Теперь он может день за днем маршировать в процессиях. А если бы не мой дед, ему пришлось бы работать, как приходится белым.

Я его так и не увидел. Но с другой стороны, даже работающего негра невозможно отыскать, когда он тебе нужен, не говоря уж о таком, который не знает никаких забот. Подошел трамвай. Я поехал в город, зашел к Паркеру и хорошо позавтракал. Пока я ел, я слышал, как куранты отбили четыре четверти. Но ведь, наверное, требуется не меньше часа, чтобы потерять время более длинное, чем история, с течением которой оно обрело механическое движение вперед.

Кончив завтракать, я купил сигару. Продавщица сказала, что пятидесятицентовые – самый лучшие, и я купил пятидесятицентовую, закурил ее и вышел на улицу. Я постоял, сделал две затяжки, зажал ее в руке и направился к углу. Я прошел мимо витрины часовщика, но вовремя отвернулся. На углу на меня с двух сторон напали два чистильщика сапог, вереща пронзительно, как сороки. Я дал одному сигару, а другому пять центов. Тогда они отстали от меня. Тот, кому досталась сигара, начал уговаривать второго купить ее за пять центов.

В вышине ярко блестели на солнце часы, и я подумал, как наше тело незаметно понуждает нас сделать то, чего мы делать не хотим. Я ощущал свои затылочные мышцы, и слышал, как в кармашке тикают и тикают мои часы, и вскоре я перестал слышать что-нибудь, кроме часов в кармашке. Я повернул назад и пошел к витрине. Он работал за столиком по ту сторону витрины. Он начинал лысеть. У него в глазу была лупа – металлическая трубка, ввинченная в его лицо. Я вошел.

Лавка была полна тиканья, точно трещали цикады в сентябрьской траве, и я различил ход больших настенных часов над его головой. Он поглядел на меня, его глаз за стеклом лупы был большим, смазанным, торопливым. Я вынул мои часы и протянул ему.

– Я их сломал.

Он перевернул их на ладони.

– Да уж! Наверное, наступили на них, не иначе.

– Да, сэр. Я смахнул их с комода и наступил на них в темноте. Но они идут.

Он открыл крышку и заглянул внутрь.

– Как будто все в порядке. Но без подробного осмотра я ничего точно сказать не могу. Я займусь ими попозже днем.

– Я принесу их потом, – сказал я. – А можно вас спросить, верно ли идут все эти часы в витрине?

Он держал мои часы на ладони и смотрел на меня смазанным торопливым глазом.

– Я поспорил с одним приятелем, – сказал я. – А очки забыл дома.

– Ну, пожалуйста, – сказал он, положил мои часы, привстал с табурета и взглянул за перегородку. Потом посмотрел на стену. – Сейчас двад...

– Не говорите сэр, – перебил я. – Будьте так любезны. Просто скажите, верно они идут или нет.

Он снова посмотрел на меня. Он опустил на табурет и сдвинул лупу на лоб. Вокруг его глаза остался красный кружок, и без нее его лицо стало голым.

– Что вы празднуете сегодня? – сказал он. – Лодочные гонки будут еще только через неделю, ведь так?

– Да, сэр. Этой мой собственный праздник. День рождения. Какие-нибудь из них идут верно?

– Нет. Но они еще не отрегулированы и не поставлены. Если вы хотите купить...

– Нет, сэр. Мне не нужны карманные часы. У нас в гостиной есть настенные. И потом, я почию эти. – Я протянул руку.

– Лучше оставьте их прямо сейчас.

– Я занесу их попозже. – Он отдал мне часы. Я положил их в кармашек. За тиканьем остальных я их больше не слышал. – Очень вам признателен. Надеюсь, я отнял у вас не слишком много времени.

– Ничего. Принесите, когда вам будет удобно. И лучше отложите праздновать, пока мы не выиграем гонки.

– Да, сэр. Я, наверное, так и сделаю.

Я вышел, и тиканье осталось за дверью. Я оглянулся на витрину. Он следил за мной через загородку. В витрине было около десятка часов, десятков разных положений стрелок, и каждые показывали свое время с той же властной и противоречивой уверенностью, какая была и у моих – вообще без стрелок. Противоречия друг другу. Я услышал, как тикают мои в кармашке, хотя никто не мог их увидеть, хотя они все равно ничего не показали бы, даже если бы их и увидели.

И потому я велел себе увидеть вон те. Потому что отец сказал, что часы убивают время. Он сказал, что время мертво, пока его отщелкивают крохотные колесики; только когда часы останавливаются, время вновь оживает. Стрелки были раскинуты, чуть-чуть отклоняясь от горизонтали, под очень малым углом, как чайка, наклонно покачивающаяся на ветру. Держа все, о чем я когда-нибудь сожалел, как молодой месяц держит воду – по словам негров. Часовщик уже снова работал, нагнувшись над столиком, и лупа туннелем уходила в его лицо. Волосы у него были разделены пробором посередине. Пробор впадал в плешь, похожую на сухое декабрьское болото.

Я увидел на той стороне улицы скобяную лавку. Я не знал, что утюги продаются на вес.

Приказчик сказал:

– Эти весят десять фунтов.

Только они были больше, чем я предполагал. И я купил два маленьких шестифунтовых, потому что, завернутые, они будут похожи на башмаки. Вместе они были достаточно тяжелыми, но я снова вспомнил, что отец говорил о человеческом опыте *reducto absurdum*, и подумал, что это, по-видимому, для меня единственный случай применить Гарвард. Может быть, к следующему году, может быть, требуется два года в университете, чтобы научиться, как это сделать надлежащим образом.

Но в воздухе они были достаточно тяжелыми. Подошел трамвай. Я сел. Я не видел дощечки спереди. Вагон был полон, главным образом преуспевающими на вид людьми, которые читали газеты. Единственное свободное место было рядом с негром. На нем был котелок и сверкающие штиблеты, и он держал погасшую сигару. Прежде мне казалось, что южанин всегда должен помнить о существовании негров. Мне казалось, что северяне ждут от него чего-нибудь такого. Когда я в первый раз приехал на Север, я повторял про себя: приучайся воспринимать их как цветных, а не как черномазых, и если бы мне просто почти не пришлось встречаться с ними, я бы потратил напрасно много времени и энергии, прежде чем понял бы, что лучше всего считать всех людей, и черных и белых, тем, чем они считают себя сами, и оставлять их в покое. Так произошло, когда я осознал, что «черномазый» – это не столько личность, сколько форма поведения, своего рода вывернутое наизнанку отражение белых, среди которых он живет. Но сначала я думал, что мне полагается испытывать некоторую грусть оттого, что тут они меня не окружают, так как я думал, что северяне думают, будто я ее испытываю. Однако я понял, что мне действительно недостает Роскуса, и Дилси, и всех их, только в то утро в Виргинии. Когда я проснулся, поезд стоял, и я поднял шторку и выглянул. Мой вагон перегораживал проселок,

где две белые изгороди сбегали по склону холма, а потом разворачивались наружу и вниз, точно раструб горна, и между двумя глубокими колеями сидел на муле негр, ожидая, когда поезд уйдет. Сколько он тут простоял, я не знаю, но он сидел на своем муле, раскорячив ноги, закутав голову в обрывок одеяла, словно они всегда были здесь с изгородями, и с проселком, или даже с холмом, вырезанные из его склона, как надпись, гласящая: «Ты вернулся домой». Седла у него не было, и ноги почти доставали до земли. Мул был похож на кролика. Я опустил окно.

– Эй, дядюшка! – сказал я. – Что же это ты?

– Сударь? – Он взглянул на меня, потом распутал одеяло и освободил ухо.

– Подарок на Рождество! – сказал я.

– Считайте за мной, хозяин. Уж попался так попался!

– На этот раз я тебе спущу. – Я сдернул мои брюки с сетки и выудил двадцать пять центов. – Но дальше – смотри! Я проеду тут на обратном пути, через два дня после Нового года, и уж тогда будь начеку! – Я бросил монету в окно. – Купи себе чего-нибудь к Рождеству.

– Хорошо, сударь, – сказал он, слез с мула, подбросил монету и потерял ее о штаны. – Спасибо, молодой хозяин, спасибо.

И тут поезд тронулся. Я высунулся из окна в прохладный воздух и посмотрел назад. Он все еще стоял там рядом со своим тощим кроликом-мулом, оба жалкие, неподвижные, меньше всего нетерпеливые. Поезд под отрывистое тяжелое пыхтение паровоза начал поворачивать, и они плавно скрылись из вида, воплощение забытых мною качеств: жалкого неисчерпаемого терпения, бездеятельной безмятежности, той смеси детской и вездесущей безответственности с парадоксальной надежностью, которая охраняет и защищает тех, кого безрассудно любит, и непрерывно их грабит, и уклоняется от долга и обязательств с помощью столь откровенных приемов, что их даже не назовешь хитростью, а при поимке на воровстве или лжи испытывает только то искреннее и непосредственное восхищение перед победителем, которое джентльмен питает к противнику, взявшему над ним верх в честном состязании, и еще снисходительной и неизменной терпимости к причудам белых, словно у добрых дедушки и бабушки к капризным и своевольным внучатам. И весь этот день, пока поезд вился по обрывистым ущельям и по уступам, где движение ощущалось только как звук выбрасываемого пара и стенание колес, а вечные горы уходили в густое небо, я думал о доме, об унылой станции, о глине, о неграх и фермерах, толпящихся на площади с игрушечными обезьянками, тележками и леденцами в мешках, из которых торчат римские свечи, и внутри у меня все устремлялось вперед, как в школе, когда раздавался звонок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.